

ГАЛИНА БЕЛОМЕСТНОВА

СМЕРТЕЛЬНАЯ МИССИЯ В ХАЙЛАРЕ

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Галина Беломестнова

Смертельная миссия в Хайларе

«ВЕЧЕ»

2024

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2Рос=Рус)

Беломестнова Г. А.

Смертельная миссия в Хайларе / Г. А. Беломестнова — «ВЕЧЕ»,
2024 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-4765-5

1945 год. До начала Маньчжурской стратегической операции остаются считанные месяцы, когда на стол Сталина ложится сообщение об «оружии возмездия» японцев, разработанном в сверхсекретной лаборатории возле Хайлара. Отряд особого назначения капитана Смерш Мамаева получает приказ обнаружить лабораторию любой ценой. В его отряд включают специалиста противочумной станции Читинской области Черных, которую еще в августе 1940 года пыталась завербовать в Харбине японская контрразведка.

УДК 821.161.1-311.3

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-4765-5

© Беломестнова Г. А., 2024

© ВЕЧЕ, 2024

Содержание

Предисловие	6
От автора	8
Часть 1	9
Глава 1	10
Глава 2	24
Глава 3	31
Глава 4	36
Глава 5	41
Глава 6	47
Глава 7	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Галина Беломестнова

Смертельная миссия в Хайларе

© Беломестнова Г.А., 2024

© ООО «Издательство «Вече», 2024

Художник Макс Олин

Дизайн обложки Д.В. Грушин

* * *

Предисловие

Книга члена Союза писателей России Беломестновой Галины Алексеевны – захватывающий роман, в котором в реальной исторической обстановке наряду с руководителями страны, полководцами, руководителями органов государственной безопасности, командирами полков и батальонов 36-й армии, действуют вымышленные литературные герои.

«Если мы забудем свою историю, то нам напомнят о ней», – написала в своем очерке «Забытая война. Забайкальский фронт» Галина Алексеевна в 2014 году. С той поры она собрала, изучила и переработала сотни архивных документов, энциклопедических данных, диссертаций, научных работ, произведений и рассказов очевидцев событий сороковых годов прошлого драматического столетия и заключительного этапа Второй мировой войны – разгрома милитаристской Японии в августе 1945 года. В книге две части. Первая часть – художественное произведение, вторая часть – хроника исторических событий и данные из биографий.

В своем новом романе автор показала конфликт между Японией и Россией, длившийся сорок лет, конец которому положила Маньчжурская стратегическая наступательная операция, на долгие годы установившая прочный мир на Дальнем Востоке. По оригинальности замысла и мастерству исполнения эта операция была одной из выдающихся во всей мировой военной истории. Последнее время бытует мнение, что операция в Маньчжурии была для Красной армии легкой прогулкой. С другой стороны, говорят, что решающую роль сыграло применение Соединенными Штатами ядерного оружия.

Автор последовательно показывает, что против Советского Союза стояла хорошо обученная и мотивированная японская армия, и только военное искусство полководцев, накопленное советскими Вооруженными силами во время Великой Отечественной войны, не дало развязать на Дальнем Востоке еще одну большую войну. Что вступление Советского Союза в войну с Японией на стороне союзников – Англии и США, лишившее японцев фактических средств продолжения борьбы, сыграло куда более решающую роль, чем применение Соединенными Штатами ядерного оружия. На ядерную бомбу американцев у Японии был достаточно адекватный ответ.

В своем романе Галина Алексеевна показала грандиозную по масштабу битву, длившуюся двадцать пять дней. Конечно, потери в той войне не сравнишь с потерями во время Великой Отечественной войны с фашистской Германией, но победа должна оцениваться не только числом погибших, но и числом спасенных. В книге показывается объективная картина, чем грозило населению Советского Союза, Китая, Монголии, США затягивание войны с Японией. Даже зверства фашистов меркнут перед изуверством нелюдей «Отряда 731».

Галина Алексеевна предвосхитила торжество вируса. Книга начата была в 2019 году, еще до разгула Ковида-19. Роман рассказывает, как стремительное наступление Красной армии в августе 1945 года и разгром милитаристской Японии спасли мир от страшной бактериологической катастрофы, которую готовили японские военные преступники в облике ученых-бактериологов.

Преступную эстафету японских бактериологов приняли и продолжили власти США, которые спасли их от справедливого возмездия и с их помощью создали свое бактериологическое оружие. В 1950 году во время войны в Корее американцы применяли это запрещенное оружие.

В ходе специальной военной операции на Украине, начатой 24 февраля 2022 года, получены документы, подтверждающие, что в украинских биологических лабораториях, в непосредственной близости от территории России осуществлялась разработка компонентов биологического оружия.

Начальник войск радиационной, химической и биологической защиты Вооруженных сил России, кандидат военных наук, Герой Труда Российской Федерации генерал-лейтенант Кириллов Игорь Анатольевич недавно рассказал журналистам, что США расширяли свою военно-биологическую программу на территории Украины. Так, обнаружилось свидетельство продолжения биологических проектов, направленных на изучение возбудителей сибирской язвы и африканской чумы свиней, изучение насекомых как переносчиков опасных инфекций. Было установлено, что располагавшаяся в Харькове биолaborатория передала за рубеж 140 контейнеров с эктопаразитами летучих мышей – блохами и клещами.

И.А. Кириллов напомнил, что подобные исследования проводились в 1940-х годах японским «Отрядом 731» в рамках работы по созданию компонентов биологического оружия. Впоследствии многие из занятых в них специалистов скрылись в США, спасаясь от преследования за совершенные ими военные преступления.

Одной из задач США и их союзников является создание биоагентов, способных избирательно поражать различные этнические группы населения, в том числе русских и украинцев.

В марте 2022 года стало известно о заявлении в комитете по иностранным делам сената США заместителя госсекретаря США по политическим делам Виктории Нуланд о том, что на Украине имеются биологические исследовательские объекты. Так что тема, раскрываемая Г.А. Беломестновой, имеет самое актуальное значение.

Книга представляет интересную приключенческую историю, основанную на реальных событиях. Не стоит пересказывать содержание романа, который открывает новые страницы нашей забайкальской истории и делает достоянием имена замечательных людей. Роман увлекательный и современный.

Почетный член Академии военных наук Российской Федерации, член Союза журналистов России Алексей Соловьев

*Солдатам и офицерам, воевавшим в августе – сентябре 1945 года
в войне Советского Союза с Японией, ПОСВЯЩАЕТСЯ*

От автора

Выражаю глубокую признательность Соловьеву Алексею Владимировичу, забайкальскому историку и краеведу, почетному члену Академии военных наук Российской Федерации, члену Союза журналистов России, полковнику КГБ – ФСБ, который был научным консультантом при написании этой книги. Скажу больше, герои очерков Алексея Владимировича из книги «Тревожные будни Забайкальской контрразведки» оживают в моем романе. Так как книга художественная, в ней есть собирательный образ контрразведчиков, действующих накануне и во время войны Советского Союза и Японии в августе – сентябре 1945 года. Место действия – Забайкалье и Маньчжурия. За три года совместной работы Алексей Владимирович помог мне достичь исторической достоверности даже в мелких деталях, помог найти описание событий, которых нет ни в одном архивном документе, и я бесконечно благодарна ему за эту помощь.

Часть 1

Операция «Беркут»

В июле 1939 года народному комиссару внутренних дел Берии доложили: японским разведчикам, работающим дипломатами в посольстве Японии в Москве, стало известно, что под «крышей» закрытого института Наркомздрава функционирует исследовательский институт НКВД. В донесении сообщалось, что японцы выполняют подготовку к вербовке научного сотрудника этого института Анастасии Викторовны Черных. Они изучают ее семью, материальное положение, склонность к обогащению, привычки, увлечения, слабые места. Лаврентий Павлович вызвал начальника 5-го отдела Главного Управления государственной безопасности Фитина, ознакомил его с материалами и предложил:

– Павел Михайлович, давай поможем японцам завербовать Черных. Она им нужна как вирусолог. Японцы готовятся к бактериологической войне, а нам надо знать, чем интересуется их разведка. Анастасия Викторовна – человек проверенный, несмотря на молодость, хороший теоретик и практик, владеет несколькими языками. Поручи опытному сотруднику заручиться ее согласием, совместно наметить пути внедрения, а потом товарищи из ШОН^[1] пусть позанимаются с ней. Спешить не будем, но японцев следует опередить и довести до них необходимую информацию и дезинформацию о Черных. План мероприятий по ее внедрению доложите мне в понедельник. – Он сделал пометку на настольном перекидном календаре.

Глава 1

Август 1940 года

Блеснув стеклами окон в лучах закатного солнца, на бетонку вырулила черная эмка, подъехала к трапу самолета. С места возле водителя вышел мужчина, открыл заднюю дверцу и помог выйти молодой женщине. Ветер, игравший на взлетно-посадочной полосе случайным клочком бумажки, налетел на них, закружил, подхватив подол платья спутницы.

– Ой! – смущенно заулыбавшись, воскликнула она, пытаясь удержать скользкий шелк.

– Здесь всегда ветрено. – Взяв деликатно под локоть, он отвел ее за самолет. – Ну вот, наконец вы оттаяли, Настя, – сказал, любуясь ее зарумянившимся, слегка скуластым лицом с полными яркими губами и безукоризненной линией бровей над чуть раскосыми черными глазами. – Чем вы так были встревожены в машине?

– Думала о встрече с японцами. Все никак не могу определиться, как себя с ними вести.

– Запомните. Вы летите в Харбин, чтобы помочь сотруднице нашего Генконсульства, у которой японские врачи обнаружили опасную инфекцию, – внушительно глядя ей в глаза, произнес спутник. – А главная ваша задача – выяснить: не было ли это утечкой какого-либо вируса из японского научно-биологического центра, который они построили в Пинфань. Объяснять серьезность ситуации, я думаю, вам не нужно?

– Нет.

– Тогда улыбнитесь и расслабьтесь. Вы были хорошей ученицей в ШОН и, если на вас выйдет их контрразведка, вы справитесь.

– Постараюсь, Павел Анатольевич. Дорога до Харбина дальняя, собраться с духом успею, – мягко положив ему ладонь на руку, заверила Настя.

– Ну, вот и хорошо. Однако что-то наш ученый задерживается, – озадаченно взглянул на часы спутник.

– У Чумакова есть такая слабость, опаздывать минут на пять. Во время учебы в институте мы к этому привыкли. А вот и он подъехал. – Она кивнула на появившуюся на посадочной полосе машину.

Чумаков был, как обычно, с объемистым кожаным портфелем в руке, напоминавшим саквояж, в дорогом костюме и надвинутой на глаза шляпе. Осмотревшись, он торопливо направился к ним.

– Добрый день! – поприветствовал всех.

– Знакомьтесь – Павел Анатольевич Судоплатов^[2], сотрудник научно-исследовательского института при Наркомздраве, в котором я сейчас работаю, – представила спутника Анастасия.

– Чумаков Михаил Петрович^[3], – ученый поставил портфель на бетонку и подал для пожатия левую руку. Не выпуская ладони, спросил: – Павел Анатольевич, я японским не владею, а переводчика что-то не вижу?

– Переводчиком буду я, – опередила Настя с ответом Судоплатова.

– Я думал, вы летите в нашей группе как вирусолог? – Брови Чумакова вопросительно приподнялись.

– Буду совмещать и то, и другое. В Наркомздраве решили, что моего знания японского и китайского языков для общения будет достаточно.

– Очень рад поработать с вами, Анастасия Викторовна. Очень рад. Вы еще студенткой подавали большие надежды.

От похвалы щеки девушки полыхнули смуглым румянцем.

– Ну что вы так засмутились, товарищ Черных? Ваша дипломная работа «Циркуляция и генетическое разнообразие вирусов в природе», научным руководителем которой я имел честь быть, наделала столько шума в научных кругах, что о ней до сих пор вспоминают, – дружески подбодрил он бывшую студентку.

К группе провожающих подошел служащий аэропорта, что-то негромко сказал Судоплатову, тот кивнул в ответ и вмешался в беседу:

– Друзья, вам пора. Перелет у вас длинный, еще успеете все обсудить.

* * *

В самолете они прошли по синим ковровым дорожкам между продольными рядами мягких кресел в середину салона. Заняли места напротив друг друга. Настя прильнула к иллюминатору, пытаясь рассмотреть за стеклом Москву, но земля спряталась за белым туманом облаков.

– Первый раз летите? – заметив ее любопытство, спросил Чумаков.

– Нет. В апреле тридцать шестого года я летала с нашей делегацией на научную конференцию в Нанкин.

– Про эту делегацию мне рассказывал Семашко. Но, постойте, вы же тогда были студенткой третьего курса? – непонимающе глянул на нее Николай Петрович.

– Меня пригласили в Китай в качестве переводчика. Китайский – мой второй родной язык, моя мама – китаянка, а я родилась в Харбине.

* * *

Анастасия навряд ли знала, сколько событий предшествовало ее поездке в тридцать шестом году и в каких верхах решался вопрос, отправлять ли студентку с такой солидной делегацией в Китай.

Народный комиссар иностранных дел СССР Литвинов доложил 20 апреля 1936 года Сталину, что Президент Китайской республики Чан Кайши обратился к советскому послу в Нанкине с просьбой оказать помощь в ликвидации вспышек чумы в некоторых провинциях страны.

Сталин ненавидел Чан Кайши за предательство китайских коммунистов в двадцать седьмом году^[4], но как дальновидный руководитель он видел в Китае единственного союзника в возможной войне с Японией, которая не скрывала своих агрессивных устремлений. Он поручил наркому здравоохранения РСФСР Каминскому подобрать в течение суток небольшую группу ученых для выезда в столицу Китая. Руководителем делегации назначили Зильбера, который недавно успешно организовал подавление вспышки чумы в Нагорном Карабахе. Одновременно Сталин приказал наркому Комиссариата внутренних дел Ягоде проверить всех ее участников.

Двадцать первого апреля Каминский, Ягода и Зильбер вошли в просторный кабинет в Кремле. Когда все устроились за длинным столом для заседаний, Хозяин обратился к Зильберу:

– Вы готовы возглавить делегацию, Лев Александрович?

– Готов, товарищ Сталин, – ответил тот, подавая ему листок бумаги.

Иосиф Виссарионович внимательно прочитал список делегатов. Десять ученых-микробиологов не вызвали нареканий, лишь одна кандидатура его не устроила:

– Почему в список включена переводчицей студентка третьего курса медицинского института? Неужели в нашей стране не нашлось более подходящего человека?

– Анастасия Викторовна Черных – восходящее светило советской науки, но выбор на нее пал еще и потому, что мать Черных – китайка, советская гражданка, живет и работает в Москве, а дед-профессор возглавляет кафедру восточной медицины в Нанкинском университете. Он имеет высокий авторитет в китайских медицинских кругах, – ответил Зильбер.

– Что скажешь, нарком? – Иосиф Виссарионович посмотрел на Ягоду.

– Товарищ Сталин, я поддерживаю эту кандидатуру. Между ней и дедом ведется устойчивая переписка. Дед боготворит внучку, а мать Анастасии – единственная его дочь. Вам известно недоверие китайцев к иностранцам и их скрытность. Возможно, нам потребуется помощь нанкинского профессора, чтобы рассеять их сомнения. Поездка товарища Зильбера будет сложной. Читинский оперативный сектор НКВД, опираясь на харбинскую резидентуру, сообщает, что вспышки чумы в Китае могут быть японской бактериологической диверсией.

– Где отец студентки?

– Ее отец, Виктор Викторович Черных, работал начальником Службы пути Китайской восточной железной дороги. В июле двадцать девятого года он был застрелен. Мы подозреваем, что это дело японских рук, но пока не имеем подтверждения. Черных был хорошо известен органам ОГПУ в Харбине и характеризовался положительно.

– Он не родственник Василию из Наркомата пути?

– Родной брат.

Сталин взял обкуренную трубку, набил, не торопясь, табаком и, пыхнув несколько раз, прикурил. Прищурился от табачного дыма желтые в крапинку глаза, сказал:

– Я знаком с Василием по подпольной работе еще с тысяча девятьсот пятого года. Когда будете готовы к поездке? – спросил, возвращая документ Зильберу.

– Можем вылететь завтра, – ответил тот.

– Завтра исполняется шестьдесят шесть лет со дня рождения Ильича. Будем проводить торжественное собрание. Полетите двадцать третьего. Делегатам пока объявите, что они летят в Нанкин на научную конференцию. Задачу по борьбе с чумой поставите в Китае. Всем участникам смените документы – зададим работу японской разведке, пусть поищут. Товарищ Каминский, свяжитесь с Ворошиловым и договоритесь о повышенной готовности военных противочумных отрядов Забайкальского военного округа в Чите и Монголии. Полет делегации обеспечит товарищ Ягода. Желаю успеха!

* * *

– Как же так получилось, Анастасия Викторовна, что ваша мама оказалась в Москве? – расположившись удобно в кресле, продолжил расспросы Чумаков.

– Это долго рассказывать, Михаил Петрович.

– Так и дорога у нас неблизкая, будет чем занять время, – с улыбкой возразил он.

– Все началось в тысяча девятьсот тринадцатом году, когда папа окончил Петербургский институт путей сообщения. В то время Транссиб и Китайская восточная железная дорога считались великими стройками, и он решил поехать туда.

– Я был на Дальнем Востоке три года назад с экспедицией Зильбера. Из-за нелепой случайности заболел клещевым энцефалитом, частично потерял слух, но главное – вот, – Чумаков кивнул на неподвижную правую руку, – чуть не стал инвалидом в двадцать восемь лет.

– Наслышана о вашей истории, главное, что вы живы.

– Вы правы, Анастасия Викторовна, главное, что жив и голова работает.

– Можно просто Настя, Михаил Петрович. Вы же мой учитель. И как вам в Хабаровске?

– Красивая, богатейшая земля, но до сих пор не освоена. Вы знаете, что мост через Амур, соединивший западную и восточную ветки Транссиба, был построен только в октябре шестнадцатого года?

– Папа говорил мне об этом...

– Извините, что прервал ваш рассказ о нем.

– Папа жил и работал в Харбине. Однажды он простудился и обратился в частную городскую клинику, которая принадлежала маминому отцу – дедушке Реншу. Там он и познакомился с мамой и сразу влюбился. Она была моложе него на пять лет. В китайских семьях приветствуются такие союзы, когда муж уже самостоятельный, старше жены и может обеспечить семью. Поэтому ее родители охотно дали согласие на их брак.

– И как же вам жилось в Маньчжурии?

– Харбин, конечно, не такой, как Москва, но тоже большой город, с учебными заведениями, театрами, концертными залами. Я до восьми лет занималась дома, а потом сдала экзамены в женскую гимназию Оксаковской. Нас обучали замечательные учителя. Я до сих пор вспоминаю с любовью спектакли, что мы ставили. А какие сказочные новогодние елки устраивали в Железнодорожном собрании КВЖД!

– И вас не смущало, что Харбин – центр белой эмиграции, вражески настроенной к Советскому Союзу? – Широкие густые брови собеседника с любопытством приподнялись.

– Я же тогда была совсем ребенком, о политике вовсе не думала. – Настя с досадой отвернулась к иллюминатору.

– Не обижайтесь! Несу всякую чепуху. – Чумаков просительно тронул ее за локоть. – Если честно, я боюсь летать на самолете. Вот свою вакцину от энцефалита не побоялся себе уколоть первым, потому что сам создал, а самолетам не доверяю.

– Я тоже боюсь летать. Муж мне на дорогу коньяк дал. Сказал, что помогает от боязни высоты, – с улыбкой призналась она.

– Так чего же вы его спрятали? Доставайте свой коньяк, а я пошел за стаканами. – Чумаков оживленно вскочил с кресла и направился к кабине летчиков.

Настя вынула из сумки бутылку и бумажный пакет с еще теплыми пирожками.

– Запах вашей стряпни заставит пилотов бросить рули и присоединиться к нам, – поводя с восхищением носом, вернувшись на свое место, пошутил Чумаков.

– Вам с мясом или с капустой? – Настя придвинула ему пакет.

– И с капустой, и с мясом. Весь день был в такой суете и сборах, что поужинать даже не успел. – Он взял румяный пирожок, надкусил и зажмурил от удовольствия глаза.

Когда пакет опустел, Чумаков вытер пальцы предложенной Настей бумажной салфеткой и напомнил:

– Вы не досказали мне свою историю.

– Все случилось в июле двадцать девятого года ^[5]. Папа приехал домой рано утром. Они с мамой надолго закрылись в комнате. После их разговора она вышла заплаканная и велела мне одевать брата Васеньку, а сама начала собирать вещи и документы. Папа отвез нас в дом к дедушке Реншу и наказал не выходить на улицу. Из разговоров взрослых я поняла, что китайские полицейские ворвались в советское консульство в Харбине, везде проводят обыски у советских служащих, грабят квартиры, арестовывают и отвозят их в тюрьмы. Мама все время плакала, переживала за папу. В дом приходили какие-то люди, рассказывали, что погромы не утихают, что больше двух тысяч наших граждан сидят в концентрационных лагерях в Харбине, Хайларе и Цицикаре, что содержат их там в ужасных условиях. Железная дорога не работала, но отец появлялся домой очень редко.

Настя слабо улыбнулась дрожащими губами и, еле сдерживая слезы, продолжила:

– Двадцатого июля была суббота, день с утра выдался солнечным, жарким, окна в доме были нараспашку, мама услышала, как у ворот остановился автомобиль отца, и кинулась его встречать. Мы тоже поспешили за ней и вдруг услышали громкий хлопок. Папа лежал на ступенях крыльца. А на груди расплывалось алое пятно крови... – Не в силах продолжать, она отвернулась к иллюминатору, порылась в сумочке, достала платочек и вытерла глаза.

Ее попутчик деликатно молчал.

– В китайских и русских газетах Харбина обвиняли в его убийстве «красных боевиков», но убийцу так и не нашли, – совсем тихо выговорила Настя.

– Простите меня, что заставил вспомнить о вашем горе. – Чумаков сочувственно пожал ее ладонь с тонкими пальцами.

– Ничего, боль почти утихла. А тогда было страшно. Мама после похорон папы слегла. Дедушка и бабушка много времени проводили в клинике, ведь им приходилось содержать еще и нашу семью. Так закончилось мое беззаботное харбинское детство.

Они замолчали, вслушиваясь в мерный гул мотора.

Чумаков сходил к летчикам, взял у них клетчатые шерстяные пледы для себя и спутницы, предложил отдохнуть. Слушая, как вздыхает и пытается устроиться в кресле спутница, спросил, чтобы отвлечь ее от непрощенных мыслей:

– Как же вы оказались в Москве?

Кутаясь в плед, Настя тихо заговорила, вспоминая те далекие тяжелые дни:

– Гимназию пришлось оставить, надо было ухаживать за больной мамой и маленьким Васей. Потом дедушке Реншу посулили должность преподавателя в столичном университете. В Китае это очень престижно, и они с бабушкой начали готовиться к отъезду в Нанкин. Они предложили нам жить в их доме, но мама боялась оставаться с маленькими детьми одна, без мужской поддержки. Тогда дедушка написал письмо в Москву, папиному старшему брату. Василий Викторович приехал в Харбин сразу после Нового года и помог нам с переездом в Советский Союз. Первое время мы жили в его семье. Бабушка и дедушка дали маме очень хорошее образование. Она прекрасно говорит и пишет на русском, японском и китайском языках, хорошо знает историю, естествознание. Друзья дяди посодействовали ей в устройстве на работу в Московский педагогический институт. Преподаватели китайского и японского языков были очень востребованы, и нам выделили небольшую квартиру. Вася пошел в садик, а я стала учиться в седьмом классе, вступила в комсомол, потом поступила в 1-й Московский государственный медицинский институт. Вот так я и стала москвичкой.

Харбин

Русские архитекторы выбрали место под будущий город в треугольнике между трассой Китайско-Восточной железной дороги, рекой Сунгари и ее притоком Ашихэ. Планировка Нового города напоминала Санкт-Петербург, основные магистрали прокладывались в направлении, параллельном течению реки, они образовывали четкие прямоугольные кварталы с перпендикулярными им улицами. Вдоль булыжной мостовой стояли окруженные садами и палисадниками кирпичные или каменные дома, с центральным отоплением, водопроводом. На Большом проспекте располагался комплекс зданий Управления железной дороги. Мимо вокзала шел широкий Вокзальный проспект, он поднимался к самой высокой точке города, где стоял, окруженный круглой соборной площадью, Свято-Николаевский собор. Из-за темного цвета бревенчатых стен харбинцы называли его «шоколадным». Через железнодорожный виадук Новый город соединялся с микрорайоном Пристань, протянувшийся вдоль берега Сунгари. Здесь, на главной китайской улице, сосредоточилась вся торговая жизнь Харбина, находились склады, магазины, банки, среди них выделялись куполами и вычурными фасадами гостиница «Модерн», магазины солидных торговых домов Мацура, «Чурин и К°».

Рядом с благоустроенными районами города стремительно появлялись спутники-пригороды – Фудцзядян, Чинхе, Нахаловка. Это был другой Харбин, с грязными кривыми улочками, глинобитными домами, окна в которых были заклеены промасленной бумагой, с рядами грошовых лавчонок, возле которых полуголые купцы бесконечно играли в маджонг. Здесь, в дешевых харчевках, пропитанных запахом бобов и горелого масла, прямо у дверей наливали в

немые стаканы пиво. Шумный, преступный пригород был безразличен к человеческой беде. К ночи над дверями притонов загорались красные китайские фонари, приглашая усталых и нищих жителей окраин забыться в дыму опиумной отравы.

* * *

Самолет приземлился на аэродроме Харбина, расположенного на юго-восточной окраине, недалеко от Старого города. Московских врачей встречал представитель советского Генерального консульства. Он усадил их в черный закрытый фورد и повез в центр. Анастасия с жадностью вглядывалась в знакомые очертания прямых широких улиц. На Большом проспекте раскатывали по булыжной мостовой блестящие лаком автомобили, бородатые извозчики в поддевках управляли конными экипажами. На Соборной площади священник в черной рясе степенно крестился на купола кафедрального Свято-Николаевского собора. Харбин утопал в зелени, мелькали вывески магазинов на русском и китайском языках. Стайки гимназисток сидели на высоких резных верандах кафе.

Московских гостей поселили в гостинице советского консульства на улице Яоцзин, дом № 22. Чумаков по приезде резко изменился – стал собранным, сосредоточенным, спустя два часа строго велел служащему подать машину, чтобы доставить их в больницу. В назначенное время все тот же «форд» отвез врачей на Новоторговую улицу. После продажи КВЖД^[6] Центральной больницей Северо-Маньчжурской железной дороги руководила японская администрация. В приемном покое инфекционного отделения их ждал пожилой японец. Склонив в почтительном поклоне голову, он представился:

– Сэтору Хосака, – и начал что-то оживленно объяснять.

– О чем он говорит? – спросил у Анастасии Чумаков.

– Нашу сотрудницу поместили в изолированный блок. Японские врачи затрудняются установить диагноз и опасаются, что у женщины заболевание, которое они называют «Сонго». Они сообщили об этом в мэрию города Харбина и предупредили правительство Маньчжурской империи в Чанчуне, – перевела она. – Также Сэтору сказал, что в больнице соблюдается карантин и нам нужно будет надеть защитные костюмы, а после осмотра больной пройти санитарную обработку.

Японец позвонил в колокольчик, в приемный покой вошла миловидная китаянка, которая выдала им хлопчатобумажные рубашки, штаны, тапочки, защитные очки, резиновые перчатки, большие маски, оставляющие открытыми только глаза, закрытый спереди халат, рукава которого завязывались на запястьях длинными тесемками.

Переодевшись, Чумаков и Черных прошли в бокс в сопровождении японского доктора. В маленькой комнате на кровати лежала укрытая одеялами женщина лет двадцати пяти. Было видно, что ее мучает сильный озноб. Сэтору сообщил, что у больной стойко держится температура, а жаропонижающие препараты почти не помогают. Михаил Петрович потребовал шпатель.

– Водички, – облизнув сухие, с белым налетом губы, попросила больная.

Настя взяла с тумбочки стакан, приподняла ей голову и помогла напиться.

– Спасите меня! Моей дочери всего два годика. Как же она без меня? – лихорадочно натягивая до подбородка одеяло, умоляюще прошептала женщина.

– Ну-ну, голубушка, это что за настроение? Скажите: «А-а-а», – строго велел Чумаков.

Его голос подействовал успокаивающе. Она покорно открыла рот. Доктор посмотрел горло, оттянул веки, потом взял запястье и посчитал пульс. Осмотр продолжила Анастасия. Даже через резиновые перчатки она чувствовала, какой горячей была кожа у женщины.

Завершив осмотр, врачи как могли успокоили соотечественницу. Покинув бокс, они прошли обработку, переоделись и в сопровождении кастелянши прошли в ординаторскую. Сэтору подождал, когда русские устроятся за столом, и начал доклад:

– Со слов больной, приступ начался с сотрясающего озноба и нарастания температуры, – переводила его рассказ Анастасия. – Приглашенный ее родными врач направил больную в наше отделение. Женщина была бледной, жаловалась на холод и головные боли. Через два часа температура у нее повысилась до сорока градусов, на этих цифрах удерживалась более восьми часов и снизилась до нормального уровня только после обильного потоотделения.

Чумаков слушал перевод внимательно, периодически что-то записывая в блокнот. После того как японский доктор замолчал, он попросил:

– Настя, узнай-ка у него, делали ли больной анализ на малярийный плазмодий?

Она перевела вопрос.

– Делали, но плазмодий не обнаружили, – отрицательно покачал головой японец. – Отсутствует еще один характерный для малярии симптом. Госпожа, вы должны были заметить это при осмотре, – обратился он к Черных. – Идет четвертый день заболевания, а печень и селезенка не увеличены.

– Господин Сэтору, вы говорили, что подозреваете у женщины болезнь «Сонго». Как она проявляется? – поинтересовался Чумаков.

– Начало болезни такое же, как и у гриппа. Высокая температура, слабость, головная боль. Когда вирус начинает усиленно размножаться и появляются продукты его распада, возникает массивное кровотечение из-за повреждения стенок сосудов. Развивается тяжелое, порой необратимое поражение жизненно важных органов, – перевела Анастасия ответ Сэтору.

Задумчиво постукивая автоматической ручкой по подбородку, Чумаков выслушал японского врача и возразил:

– Я склоняюсь к тому, что у больной не «Сонго», а геморрагическая лихорадка с почечным синдромом. В пользу моего диагноза говорят точечные кровоизлияния на коже в зоне лица и шеи, в области склер и на слизистой рта. Пока нет лабораторных результатов, будем проводить лечение от геморрагической лихорадки.

* * *

Они задержались в инфекционном отделении до полудня. По дороге в гостиницу, разглядывая улицы города и прохожих, Чумаков неожиданно продекламировал:

Милый город, горд и строен,
Будет день такой,
Что не вспомнят, что построен
Русской ты рукой.
Пусть удел подобный горек,
Не опустим глаз:
Вспомяни, старик-историк,
Вспомяни о нас.
Ты забытое отыщешь,
Впишешь в скорбный лист,
Да на русское кладбище
Забегит турист.
Он возьмет с собой словарь
Надписи читать...
Так погаснет наш фонарик,

Утомясь мерцать!

– Вы знаете поэзию белого офицера Несмелова? – удивилась Настя.

– В двадцать девятом году, когда еще был студентом, мне попал в руки журнал «Сибирские огни». Эти стихи как-то в душу запали. Даже не представлял, что когда-то сюда попаду, – усмехнулся Михаил Петрович и неожиданно предложил: – А может, отобедаем в каком-нибудь ресторане?

– С радостью отведаю китайской кухни. Только надо переодеться, а то от нас за версту несет карболкой.

Но вечером Чумаков оказался очень занят с японскими коллегами, и Настя решила прогуляться по городу одна. Она вышла на Большой проспект, обрамленный кустами сирени и акаций. Солнце склонилось к закату, и тени рисовали на земле прозрачные кружева. Прошло десять лет, как она уехала из Харбина. Поначалу ей показалось, что город ничуть не изменился. Но чем внимательнее она вглядывалась в прохожих, тем больше понимала, что ошиблась. Стало меньше веселых, нарядно одетых людей, в их движениях появилась боязливая торопливость. Настя дошла до Соборной площади, свернула на обсаженную царственными липами аллею и неожиданно столкнулась с женщиной.

– Извините! – произнесла она, пытаясь вежливо отстраниться.

– А ты так и не научилась смотреть по сторонам, – услышала в ответ и растерянно подняла глаза. На нее смотрели смеющиеся зеленые, в рыжую крапинку глаза Лизы Реутовой – самой веселой и заводной девчонки в их классе.

– Лиза!

Подруги радостно обнялись и осыпали друг друга вопросами:

– Какими судьбами в Харбине? Я слышала, вы в тридцатом году уехали в Советский Союз?

– Это правда, Лиза. Я живу в Москве, а в Харбин приехала по работе. Как ты?

– Мы расстались подростками, а встретились взрослыми дамами. Ты так похорошела!

Лиза с интересом оглядела подругу – элегантное оливкового цвета платье до колен подчеркивало тонкую талию и открывало ровные стройные ноги в модных туфельках. Иссиня-черные волосы были собраны на затылке в изящную прическу.

– Не смущай меня! Это ты у нас всегда была первой красавицей, а сейчас выглядишь просто великолепно.

– Уроки Марии Алексеевны Оксаковской не прошли даром. Не зря нашу школу сравнивали с институтом благородных девиц, – весело улыбнулась в ответ Лиза. – На той стороне улицы открыли французскую кондитерскую, выпечка там просто изумительная. Пошли туда, посидим, поболтаем, выпьем горячего шоколада.

– Я, вообще-то, хотела сходить в гимназию... – нерешительно произнесла Настя.

– Ты разве не знаешь, что наша гимназия давно выехала из дома на Вокзальном проспекте? – удивилась Лиза.

– Нет, не знала, жаль, так мечтала заглянуть в наши большие, светлые классы, вспомнить праздники...

– Встретила тебя и остро поняла, что жизнь проходит, детство и юность пролетели, как сказочный сон, и ничто из того светлого времени к нам уже не вернется. – Веселые задоринки в глазах Лизы потухли.

– Хватит о грустном, ты обещала мне угощение. – Настя решительно подхватила подругу под руку и увлекла на другую сторону улицы.

В просторном зале было много свободных мест. Лучи закатного солнца мягко отражались от окрашенных в светло-бежевый цвет стен, от мебели из светлого, гладко отполированного

дуба. Вкусно пахло корицей и поджаренными зернами кофе. Они выбрали столик у широкого окна.

– Чего изволите? – спросила кельнерша, подавая им большую, обтянутую кожей книгу с меню.

– Мне чашечку горячего шоколада и два эклера с кремом, – не заглядывая в книгу, заказала Лиза.

– Мне то же самое, – повторила заказ Настя.

Через несколько минут перед ними стояли тарелочки с румяными эклерами, покрытыми воздушным кремом, и фарфоровые чашки с напитком, от которого шел ароматный запах какао с нотками ванили.

– Не скучаешь по Харбину? – спросила подруга, глядя в восторженные глаза Насти.

– Скучаю. Запах шоколада напомнил новогодние праздники, сочельник. Помнишь, как катались с горок на Сунгари?

– Мы и сейчас все это празднуем. Харбин так и остался русским городом на китайской земле. В Крещение все церкви и соборы идут крестным ходом к проруби на реке.

– А как же японские оккупанты?

– У них свои праздники. Мы отдельно, они – отдельно. – Лиза неопределенно пожала плечами, было заметно, что вопрос о японцах ей не понравился. – Лучше расскажи, где ты и чем занимаешься?

– Мама работает в педагогическом институте, ей выделили двухкомнатную квартиру. Вася учится в школе. Я окончила мединститут и вышла замуж. Мы с Димой работаем в отделе вирусологии в научно-исследовательском институте при Наркомздраве.

– А у меня все было не так гладко. В тридцать втором году в Харбине вспыхнула эпидемия холеры. Меня спасло то, что я уезжала в гости к бабушке в Цицикар. Мама и папа умерли, их трупы сожгли, нет даже могилки, чтобы прийти и положить цветы. Петя как уехал в Америку, так ни разу и не приезжал. Но сейчас все хорошо. Я стала, как и ты, врачом. – Веселая улыбка на ее лице не обманула Настю, глаза подруги по-прежнему оставались грустными.

– Какая у тебя специализация? – стараясь поменять тему разговора, спросила она.

– Ничего особенного, просто работаю терапевтом в поликлинике. Ой, мне уже пора бежать, – взглянув на часы, неожиданно заторопилась Лиза. – Я не прощаюсь с тобой. Жду завтра к себе в гости, посидим, поболтаем.

– Прости, но навестить тебя не смогу. Завтра придут результаты анализов больной, из-за которой мы прилетели сюда. С утра поедем с Чумаковым на Новоторговую улицу в инфекционное отделение, – с сожалением покачала головой Настя.

– Не отказывайся, обижусь! И девчонкам всем скажу, какой ты зазнайкой стала. – Подруга сердито бросила на стол салфетку, которой аккуратно промокала губы от крема. – Десять лет не виделись, а ты не можешь для меня выделить один вечер!

– Хорошо! Я договорюсь с Михаилом Петровичем. Пиши адрес, куда и во сколько подъехать, – не желая ее обидеть, согласилась Настя.

– Я живу на Цицикарской. – Подруга быстро написала адрес на салфетке и подала ей.

Они расплатились с кельнершей и вышли на улицу.

– А вон мой автобус! – воскликнула Лиза. – Я не прощаюсь, буду ждать! – еще раз напомнила она и, чмокнув Настю в щеку, побежала к остановке.

Небо затягивал перламутровый закат. В кустах громко трещали цикады. Дневная жара спала, свежий ветерок с реки принес прохладу. Вечер был так хорош, что она решила прогуляться по городу.

* * *

Чтобы не появляться в гостях с пустыми руками, Черных заехала в кондитерскую и купила торт. Как и договорились, она уже в три часа дня была у дома Лизы. Хозяйка поджидала гостью у подъезда. Квартира подруги находилась на втором этаже старенького особняка в тихом, малолюдном месте.

В узкой прихожей стоял платяной шкаф, полка для обуви, на стене висело зеркало в бронзовой раме.

– Это нам к чаю торт «Наполеон», который, я помню, ты всегда обожала. – Настя подала хозяйке коробку.

– Наша русская привычка не ходить в гости с пустыми руками, – усмехнулась Лиза, принимая гостинец. – Проходи пока в комнату, а я чуть-чуть на кухне задержусь.

Интерьер в квартире был скромный, но светлые обои, вышитые занавески на окнах, кружевные салфетки, горшки с цветами на подоконнике создавали уют. В гостиной стоял диван, два кресла, уже накрытый к обеду овальный стол, над ним шелковый оранжевый абажур. Через открытую дверь было видно часть второй комнаты: угол большой кровати, укрытой мягким пледом, и полку с книгами.

На стенах комнаты висели рамки с фотографиями. Поджидая хозяйку, Настя подошла к одной из них. Фотограф запечатлел на снимке семью Лизы. Отец подруги, одетый в парадный костюм, стоял, облокотившись на искусственный парапет. Рядом с ним сидела на стуле с высокой спинкой его жена. Ее пышные волосы были собраны в валик, складки длинного платья закрывали ноги до пола. На коленях – большеглазая пухленькая девочка в белом платье с оборками – это маленькая Лиза. Возле матери в форме гимназиста стоял их старший сын Петр. Настя вглядывалась в открытые, спокойные, с легкими улыбками на губах лица.

Вошла Лиза, остановилась возле Насти, дотронувшись осторожно до фотографии, грустно произнесла:

– Смотри, какие мы все здесь счастливые, никто из нас не ведает о том страшном будущем, что приготовила судьба.

– Прости! Не хотела беречь твою боль. – Подруга сжала ее ладонь.

– Пустое, – с напускным весельем ответила Лиза, осторожно отняв ладонь. – Я давно стала фаталисткой. Считаю, что все в жизни предначертано и то, что должно случиться, непременно произойдет. Прошу к столу, отметим нашу встречу, я купила бутылку хорошего вина.

* * *

За обедом Лиза мало рассказывала о себе, все больше расспрашивала подругу. Настя охотно поведала о жизни в Москве, о муже Диме, который долго не решался сделать ей предложение. Беседу прервал неожиданно громкий звонок в дверь. Лиза внезапно побледнела и торопливо вышла из комнаты. Настя прислушивалась к разговору в прихожей, но из коротких тихих фраз ничего не поняла. В комнату сначала вошла хозяйка, за ней средних лет японец. Он был в очках, в хорошем сером костюме, светло-голубой рубашке с темно-синим галстуком. Вежливо поздоровавшись с Анастасией, незнакомец обратился на русском языке к Лизе:

– Прошу прощения, Елизавета-сан, мне желательно переговорить с госпожой Черных наедине.

Ни слова не говоря, та поспешно вышла в прихожую. Анастасия напряженно наблюдала за происходящим.

– Госпожа Черных, вы можете называть меня господин Акиро. Это не то имя, которое мне дали родители, но так будет удобнее вести разговор, – сказал незнакомец, когда они остались вдвоем.

– Простите, но я не разговариваю с незнакомцами. Позвольте мне уйти, господин Акиро. – Настя резко встала из-за стола и направилась к двери.

– Вы разумная женщина, Анастасия Викторовна, я думаю, вы выслушаете меня, прежде чем примете решение, от которого будет зависеть не только ваша судьба, но и будущее ваших родных, – не реагируя на ее попытку покинуть квартиру, произнес Акиро.

И хотя в его спокойном голосе не было угрозы, Настя застыла около дверного проема.

– Не нужно так беспокоиться, госпожа Черных. Ваша репутация не пострадает. После нашей беседы подруга проводит вас в консульство. Беседовать нам будет удобнее не здесь, а в кабинете. Прошу. – Акиро жестом пригласил ее в сторону спальни и первым вошел туда.

Это оказалась вовсе не спальня. За портьерой, прикрывавшей часть стены, оказалась деревянная, выкрашенная голубой масляной краской дверь. Настя перешагнула порог комнаты следом за японцем. Непрозрачные зеленые занавески на окне создавали полумрак. Акиро нажал на выключатель, под потолком ярко загорелась электрическая лампочка без абажура. Обстановка в кабинете была казенной: стол, приставной столик, стулья, сейф.

Он предложил Анастасии устроиться за столиком, сам сел напротив.

– Не будем терять время. Я полковник японской армии и от имени нашего государства предлагаю вам оказать нам некоторую помощь.

– Вы что, хотите меня завербовать в шпионки? – Губы Насти нервно дернулись в изумленной усмешке. – Повода делать мне такое грязное предложение я в этой стране никому не давала!

– Ну почему же «грязное», Анастасия Викторовна? Ваш отец, Виктор Викторович Черных, был гражданином Советского Союза, но не считал работу на великую Японию «грязным делом». – Акиро встал со стула и направился к сейфу.

– Вы думаете, я поверю, что папа был шпионом? – От гнева кровь прилила к ее лицу.

– Не горячитесь, Анастасия-сан. Для беседы с вами я поднял один документ из нашего архива. Думаю, он убедит вас в обратном. – Полковник неторопливо распустил тесемки на картонной папке, вынул оттуда желтоватый исписанный листок и положил перед ней на стол.

Осторожно, словно боясь запачкаться, Анастасия подвинула его к себе. Знакомый почерк и подпись отца привели ее в растерянность. Держа дрожащими пальцами документ, она с трудом читала написанные чернилами строчки: отец писал, что обязуется оказывать помощь японской разведке.

– Вы подсунули мне фальшивку. – Она брезгливо отодвинула бумагу подальше от себя.

– У нас есть документы, которые Виктор Викторович Черных передавал нашему командованию. Как вы думаете, что будет, если в газетах Австралии, Канады или Соединенных Штатов появятся воспоминания эмигранта и в них будет рассказ о том, как он и ваш отец передали сведения о состоянии КВЖД японскому командованию? Он расскажет, как эта информация позволила Квантунской армии быстро перебросить войска для отражения нападения китайцев.

– Вы блефуете, господин полковник. У вас нет таких документов. – Она смотрела на него расширенными от страха глазами.

– Допустите на минуту, Анастасия-сан, что такие документы у нас есть, и представьте, что будет с вашей семьей, – спокойно возразил полковник. – Мужа и вас арестуют как шпионов, которые обманом проникли в научно-исследовательский институт НКВД. Вас будут пытать и, скорее всего, казнят. Вашу маму выгонят из института и отберут квартиру, так как жилье принадлежит государству, она останется без средств к существованию и будет бездомной. Родственники мужа, скорее всего, отвернутся от нее. Вашего брата Василия у матери отнимут и поместят в спецлагерь для детей предателей.

Настя смотрела на японца сухими, горячечно блестящими глазами и чувствовала, что проваливается в черный колодец, выкопанный Акиро. Сердце нестерпимо жгло от ненависти. Ей очень хотелось заплакать, но из-за комка в горле никак не удавалось.

«Лучший способ увидеть настоящее лицо человека – это заставить его испытать страх, посеять ужас ожидания наказания», – думал Акиро, наблюдая за тем, как тяжело, часто сглатывая, словно старается протолкнуть что-то застрявшее в горле, дышит Анастасия. Давая ей время прийти в себя и осмыслить услышанное, он снял очки, тщательно протер их мягкой тряпочкой, водрузил на нос и проговорил успокаивающе:

– Вы молодая красивая женщина, вас никто не собирается уничтожать. Скажу больше, мы можем заняться розыском ваших дедушки и бабушки в Нанкине. Как только мы их найдем, так сразу сообщим вам об этом.

– Правда? – охрипшим голосом спросила Настя и неожиданно сильно, до икоты, расплакалась.

«А говорят, что русских трудно сломить. Сталин и его приближенные сделали все сами за нас, запугав репрессиями свой народ. Как же быстро сломалась эта девочка, и уговаривать не пришлось. Надо прекратить ее истерику, иначе в консульстве могут заподозрить неладное», – озабоченно подумал полковник, наблюдая, как она ожесточенно вытирает ладонями лицо, словно пытается уничтожить внезапно приклеившийся к нему страх.

Акиро вынул из кармана белоснежный платок и вложил в ее дрожащие пальцы. Потом налил в стакан воды из стоявшего на столе графина и приказал выпить все до дна. Когда подопечная перестала всхлипывать, полковник продолжил:

– Если вы будете нам помогать, никто о нашей встрече не узнает. Мы умеем хранить тайны своих помощников. Я даже не буду брать у вас подписку. Вы напишите о своей работе, ответите на мои вопросы и поставите свою подпись.

– Я младший научный сотрудник в Институте вирусологии и мало что знаю. Зачем я вам нужна, господин Акиро? – явно смиряясь с участью, измученно спросила она.

– Мы подозреваем, что Советский Союз разрабатывает против нас биологическое оружие, и хотим защитить не только нашу страну, но и великую Маньчжурскую империю. Врач Сэтору-сан доложил, что подозревает у работницы консульства особо опасную болезнь «Сонго». Он считает, что вирусолог Чумаков и вы были присланы в Харбин, чтобы проследить, достаточно ли вирулентное это заболевание и можно ли его использовать как бактериологическое оружие. Это так? – Маска доброго дяденьки неожиданно слетела с его лица. Сквозь стекла очков на Анастасию злобно смотрели узкие беспощадные глаза.

– Да как вы можете говорить такое? Чумаков работает только для спасения людей! Врач Сэтору показался мне очень порядочным человеком, разве он не сказал вам, что у больной геморрагическая лихорадка с почечным синдромом и она пошла на поправку после назначенного Михаилом Петровичем лечения? – забыв, что ее мир рушится, отчаянно стала защищать честь своего учителя Настя.

– Успокойтесь! – жестко приказал полковник.

Налив в стакан воды, он медленно выпил, встал, подошел к окну и постоял, покачиваясь с пятки на носок, вернувшись к столу, холодно произнес:

– Это была просто проверка, Анастасия-сан. Некоторые готовы подтверждать любую информацию, даже ложную, лишь бы себя спасти. Вы не такая, это хорошо. Но запомните! Любая ваша попытка дезинформировать меня станет для вас крахом. А теперь будем говорить серьезно.

Он достал из ящика стола стопку листов, автоматическую ручку и положил перед Черных.

– Я задам вопросы, вы будете отвечать на них и записывать то, что я скажу. В тридцать шестом году, будучи студенткой, вы были в Китае во время вспышки чумы. Почему именно вас включили в группу ученых?

– Меня взяли в эту экспедицию переводчицей. Мне же не нужно объяснять, Акиро-сан, почему я хорошо говорю на китайском? – удивленно пожала плечами Настя.

– Напишите фамилии русских ученых, которые были с вами в этой поездке, – велел полковник, пропустив ее замечание.

– Это было давно, и я не все имена помню, – возразила она.

– Не смейте возражать мне по каждому поводу. – Акиро стукнул ладонью по столу, встал и нервно прошелся по кабинету, заложив руки за спину. – Впишите те, что помните.

Анастасия торопливо написала на листке фамилии врачей.

– Напишите, какие необычные особенности чумной палочки были выявлены во время ликвидации эпидемии.

Анастасия озадаченно посмотрела на полковника:

– Никаких. Руководитель нашей группы Лев Александрович Зильбер постоянно спорил с главным санитарным врачом Китайской республики. Он убеждал его, что эпидемия разрастается из-за низкого санитарного образования населения. И как только его советы были приняты, болезнь ушла.

– Так и напишите, как сказали, – велел полковник, продолжая ходить по комнате. Заметив, что Черных дописала последнюю строчку, сказал:

– А теперь напишите подробно, чем вы занимаетесь в вашем институте и каковы результаты ваших исследований.

Настя долго и подробно описывала свои опыты на мышах по испытанию новой противочумной вакцины, написала ее формулу, подчеркнув в конце, что их испытания еще далеки от завершения.

Акиро взял листок, внимательно все перечитал. Она сосредоточенно следила за его лицом. Было видно, что написанные ею формулы и научные термины ему понятны, что перед ней не простой армейский полковник, а хорошо знакомый с биологией ученый.

– Вы оказались умницей, Анастасия-сан, – показав в улыбке редкие зубы, произнес Акиро. – Сейчас вы подпишите эти бумаги своим настоящим именем, а в будущем будете подписывать свои сообщения и отзываться на псевдоним Кицунэ-сан – Хитрая лиса.

– Я согласна, – устало согласилась она и поднялась со стула. От пережитого напряжения слегка дрожали руки.

– Что будет со мной дальше?

– Прежде всего вы должны успокоиться. Ни доктор Чумаков, ни люди из консульства не должны заметить в вас каких-либо перемен, – наставлял он, провожая Черных из конспиративной квартиры. – Елизавета-сан живет недалеко отсюда, я вас к ней провожу. Вы можете выпить у подруги чашку чая, чтобы взбодриться. По приезде в Москву продолжайте работать как обычно. Мы найдем способ встретиться с вами незаметно.

Он довел Анастасию до подъезда, где жила Лиза, назвал номер квартиры и, вежливо распрощавшись, ушел. Едва она оказалась в прихожей, Лиза протащила ее в комнату, усадила на стул и начала оправдываться:

– Прости меня! Я не знаю, чем ты их так заинтересовала, но эту операцию они готовили давно. Ходили, расспрашивали о тебе наших девочек. Вчера я не могла рассказать об этом, они выкинули бы меня с работы. Да мне бы повезло, если бы просто выкинули с работы, меня могли увезти туда, откуда не возвращаются. – Лиза испуганно замолчала и побледнела до синевы.

– Откуда не возвращаются? – В черных глазах Насти появился холодный блеск.

– Забудь! Собираю, что в голову придет. Не слушай меня, глупую. – Лиза заметалась по комнате, переставляя с места на место попадавшие под руки безделушки.

Черных вцепилась ей в плечи и с силой встряхнула:

– Лиза, ты же врач, скажи, чем они тебя так напугали?

– Да не врач я! Я все тебе наврала. – Оторвав от себя ее пальцы, Лиза села на стул и, свесив ладони между колен, горестно произнесла:

– Когда бабуля умерла, жить стало совсем не на что, я еле устроилась на работу в магазин одежды продавщицей, но и здесь мне не повезло, японцы разорили моего хозяина. И деваться стало некуда, хоть в бордель иди... А тут подвернулся старый знакомый, он состоит в русской фашистской партии.

– У вас даже такая партия есть?

– Есть. А ты думала, они простят красным, что у них отобрали все? Нет, дорогуша! Они хотят вернуть свои состояния обратно! И кто им в этом поможет – Хирохито, Гитлер, черт, дьявол – им все равно. – Она истерично, со всхлипами захохотала.

Настя с силой ударила ее по щеке, чтобы остановить истерику.

– Ты с ума сошла? – испуганно прошептала та.

– Пей! – Настя налила полный стакан вина из бутылки, которую Лиза прихватила из явочной квартиры.

Подруга торопливо выпила и вытерла рукой губы.

– Где ты работаешь? Только не ври. Ты должна помнить, почему все девочки в классе меня боялись.

– Я помню! – Лиза отстранилась подальше, держа ладонь на пылающей щеке. – Дед обучил тебя какой-то китайской борьбе.

– Рассказывай, как ты стала агентом японцев, – подступив ближе, прошипела ей в лицо Настя.

– Николай сказал, что в японской конторе, открытой в бывшей гимназии Оксаковской, нужны стенографистки. Ты же помнишь, что нас учили этой профессии. Сначала все шло нормально, ходила к ним как на обычную работу. А потом появился этот Юдзиро Вакамацу^[7].

– Это кто?

– Ты только что с ним рассталась. Я не знаю, как он назвал себя.

– Акиро.

– Он страшный человек, Настя. Его даже японские офицеры боятся. Вакамацу искал тех, кто тебя знал. Я выполнила все, что он велел. На аллее мы с тобой не просто так встретились, они за тобой следят. Ту квартиру салфеточками украсила я и фотографию мамы с папой повесила и даже горшки с цветами из дома притащила, как он велел. А потом тебя туда заманила, – торопливо тараторила Лиза, испуганно глядя на бывшую подругу.

– И что это за организация?

– Это какая-то японская разведшкола^[8]. Только никому об этом не сообщай! – Лиза вцепилась Настю.

– Не сообщу. – Она вырвалась из ее рук и презрительно промолвила: – А ты неплохо сыграла мою лучшую подругу. Хватит причитать, иди умойся и проводи меня до остановки, мне пора возвращаться в консульство. Наша контрразведка работает не хуже японской.

Глава 2

Москва, Апрель 1945 года

В этот апрельский день Сталин не поехал в Кремль, а решил остаться и работать на Ближней даче. Он еще слушал утренний доклад начальника Генерального штаба Антонова о положении дел на фронтах, когда в кабинет вошел Молотов с неизменной папкой служебных бумаг в руках. Иосиф Виссарионович привычно кивнул головой на стул и продолжил разговор по телефону. Как только хозяин кабинета опустил трубку на рычаг, нарком иностранных дел положил перед ним бумагу с донесением:

– Коба, нашему агенту в Маньчжоу-Го удалось выяснить, что в районе Хайлара работает особо засекреченное отделение «Отряда 100», в котором проводятся работы с возбудителем новой болезни, именуемой «Сонго»^[9]. Они разрабатывают этот вирус как оружие возмездия. – Молотов был единственным в правительстве, кто обращался к Сталину на ты и называл его старой партийной кличкой Коба.

Сталин пробежал глазами сообщение и, кивнув на бумагу, спросил:

– Донесение передал надежный человек?

– Человек надежный, но подстраховаться необходимо.

– Это плохое известие, Вячеслав. На Ялтинской конференции^[10] в феврале мы подтвердили обязательство, данное союзникам еще в Тегеране, вступить в войну с Японией через два-три месяца после поражения Германии.

– Для США и Англии этот вопрос чрезвычайно важен, они планируют вторжение в метрополию. Передислокация Квантунской армии из Китая на Японские острова для них означает затяжную войну, – ответил Молотов.

Сталин выдвинул боковой ящик стола, достал пачку папирос «Герцеговина Флор», не торопясь распечатал и предложил наркому, тот охотно взял. Хозяин поднес зажженную спичку сначала ему, потом прикурил сам и продолжил:

– Наши разведчики недавно передали сообщение американских военных аналитиков. Они подсчитали, что после поражения Германии англо-американским войскам потребуется полтора года для разгрома Японии, а прогнозируемые потери составят один миллион американцев и полмиллиона англичан.

– Воевать с японцами до сорок седьмого года один на один союзники не хотят. Чтобы закончить войну, им нужны сухопутные силы, готовые оттянуть на себя Квантунскую группировку. Поэтому они так настойчиво просили нас в Ялте открыть второй фронт на Востоке как можно скорее. Нам эта война тоже нужна, Вячеслав. Сухопутная дальневосточная граница почти семь тысяч семьсот километров. Поможем китайским коммунистам освободить Маньчжурию, сохраним статус Монгольской Народной Республики, и на границе станет спокойно.

– Союзники понимают, что мы должны иметь свой интерес для того, чтобы вступить в эту войну, поэтому и согласились на условия, которые первоначально обговорили в Тегеране, а потом закрепили подписями на Крымской конференции, но я все равно не доверяю им, Коба. В своей среде они считают обманывать нас за благо, – туша папиросу в пепельнице, произнес с сомнением Молотов.

– Эйзенхауэр вроде бы показал себя честным человеком. Он отказался брать в плен сто тридцать пять тысяч немцев, которые сдались американцам в Чехословакии, и вернул их нам. Хотя, надо признать, немцы охотнее сдаются в плен американцам и англичанам, чем русским, – задумчиво ответил Сталин.

Он поднялся, прошелся мягкой походкой по кабинету, приоткрыл створку окна, впуская свежий весенний воздух в комнату, постоял возле висевшей на стене большой карты Советского Союза с нарисованными на ней стрелами наступлений и, вернувшись за стол, продолжил:

– Правильно делаешь, Вячеслав, что не веришь. Обезопасить дальневосточные границы мы можем только сами, выгнав японцев из Маньчжурии, Южного Сахалина и Курильских островов. Подготовка к этому уже идет. Антонов мне сегодня доложил, что Берлин взят в кольцо и скоро бои начнутся на его улицах. Мерецков закончил войну с Финляндией и будет возглавлять Первый Дальневосточный фронт. Его штаб с первого апреля едет на Дальний Восток. Я приказал Мерецкову подготовить к концу апреля переброску пятой армии генерала Крылова из Восточной Пруссии. Пятая армия имеет опыт по прорыву и штурму укрепленных районов и по ведению боевых действий в лесистой местности. В Маньчжурии сходные условия. Крылов хорошо знает приморско-маньчжурское направление. Во время Гражданской войны он принимал участие в боях по освобождению Приморья от японских оккупантов и белогвардейцев, потом до тридцать шестого года служил на Дальнем Востоке.

Молотов характерным только ему движением поправил щепоткой пальцев тонкую оправу пенсне и вернулся к теме разговора:

– Император Хирохито понимает, что следующей за Германией будет Япония и что на обычных вооружениях им затяжную войну против западных держав и СССР не выиграть. Поэтому он делает ставку на биологическое и химическое оружие.

– Это неудивительно. Хирохито по образованию биолог. В одной из своих речей он сказал: «Наука всегда была лучшим другом убийц. Наука может убить тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч, миллионы людей за весьма короткий промежуток времени». Хирохито всегда считал, что биологическое оружие поможет ему исполнить его божественное предназначение, и применит его не задумываясь.

Сталин нажал на кнопку вызова. В кабинет вошел его личный помощник, заведующий особым сектором ЦК Поскребышев.

– Александр Николаевич, сообщите товарищам Митереву^[11], Абакумову^[12], Меркулову^[13] и Берии^[14], что я в тринадцать ноль-ноль жду их у себя в кабинете. Мне будет нужен подробный доклад о биологическом оружии японцев.

* * *

От Боровицких ворот Кремля в юго-западном направлении Можайского шоссе выехал небольшой кортеж машин. Вскоре он подъехал к заставе. Офицер, сидевший возле шофера, повернул какую-то табличку за ветровым стеклом, и охрана пропустила автомобили без всяких формальностей. Через короткое время кортеж свернул влево, на боковую асфальтированную дорогу, проходившую через молодой ельник, мелькнул километровый столб с цифрой «9», показался четырехметровый забор и шлагбаум перед ним. Автомобили остановились. Приглашенные ждали. В двухстворчатых тесовых воротах открылась боковая калитка, и старший наряда, оповещенный дежурным по главному дому, подошел к первому автомобилю. Опознав пассажира, офицер дал своему напарнику команду открыть ворота. Машины медленно двинулись по узкой извилистой асфальтированной дороге мимо прохода между наружным и внутренним заборами. За последним поворотом появился двухэтажный, покрытый штукатуркой кирпичный дом, выкрашенный в зеленый цвет.

Наркомы, вызванные Сталиным, прибыли в тринадцать ноль-ноль, как и было назначено. У парадного входа их встретил Поскребышев. Поздоровавшись с ним за руку, офицеры прошли в дом. Зная строгие порядки на даче, они разделись возле правой, гостевой, вешалки и

проследовали за Александром Николаевичем в малый зал, где хозяин дачи больше всего любил работать.

Апрельское полуденное солнце заглядывало в широкие, лишь наполовину задернутые шторами и гардинами окна. Его лучи пробивались сквозь густые кроны окружающих дом деревьев, скользили по панелям из карельской березы. На большом светло-коричневом ковре стоял прямоугольный обеденный стол, накрытый белой накрахмаленной скатертью.

Верховный сидел у ближнего к входной двери угла и что-то писал в блокноте. На его полувоенном френче без орденов была только Золотая Звезда Героя Социалистического Труда на левой стороне груди.

Иосиф Виссарионович указал на свободные с серо-голубой обивкой стулья^[15]. Меркулов слегка посторонился, пропуская вперед Берия. Это движение было, скорее всего, неосознанным – в Кремле многие знали, что хотя нарком НКГБ был на четыре года старше, но в их отношениях всегда был главным Лаврентий Павлович, и не только по должности. Меркулову не хватало решительности и безжалостности Берии, да и его организаторских талантов тоже.

Хозяин кабинета взглянул на гостей, прикидывая, хорошо ли они устроились, и тихо, с акцентом произнес:

– Сегодня товарищ Молотов доложил мне, что японцы работают с возбудителем новой болезни, именуемой «Сонго», они называют ее «оружием возмездия». Лаврентий Павлович, как далеко Япония продвинулась в производстве биологического оружия?

Берия развернул на столе оперативную карту и доложил:

– В тысяча девятьсот тридцать втором году по личному приказу императора Хирохито японцы начали строительство главного центра подготовки к бактериологической войне в районе захудалого китайского поселка Пинфань в двадцати километрах от Харбина. Второй по величине биологический центр находится в десяти километрах южнее Чаньчуня, в местечке Мэнцзятунь. Несмотря на то, что их существование всячески скрывается даже в армейской структуре Японии, они попали в поле зрения нашей разведки через три года после создания. Информация об «Отряде 731» и «Отряде 100» регулярно поступает в Генконсульство в Харбине, а оттуда – в Народный комиссариат государственной безопасности в Москве. Документы для ознакомления мною доставлены. – Берия положил руку на объемистую кожаную папку.

– Достаточно того, что с ними ознакомлены вы, Лаврентий Павлович. – Сталин дал понять, что папку оставлять у него не нужно. – Что представляют собой эти центры?

– «Отряд 731»^[16] – это бактериологическая фабрика со штатом около трех тысяч научных и технических работников. Штат сотрудников «Отряда 100» насчитывает восемьсот человек^[17]. Кроме названных баз у отрядов имеется еще множество отделений и лабораторий. На сегодня нам известно, что весной этого года подразделение генерала Сиро Исии^[18] завершило стадию экспериментов на людях и бросило все силы на увеличение производства бактерий, блох и крыс. Хочу добавить, что в тридцать третьем году Япония тайно закупила у Германии оборудование для производства иприта. Сейчас на вооружении японской армии находилось до десяти видов боевых отравляющих веществ.

Все время, пока Берия говорил, Сталин внимательно слушал его, слегка кивая, ему была по душе способность Лаврентия Павловича вникать в суть любого вопроса.

– Всеволод Николаевич, что скажете об этих бактериологических фабриках? – Откинувшись на спинку стула, Верховный взглянул на Меркулова.

– Из разведданных известно, что в отряды пришел приказ значительно увеличить в течение ближайших двух месяцев производство бактерий чумы и тифа для заражения колодцев и водоемов, холеры и сибирской язвы для заражения рек и пастбищ. Если учесть ранее произведенные концентраты и сухие бактерии, то, я думаю, общая масса запасов составляет более ста килограммов. В Квантунской армии уже размножены географические карты советских даль-

невосточных районов с указанием населенных пунктов, водоемов и других объектов для бактериологического нападения. В первую очередь это города Хабаровск, Благовещенск, Ворошилов^[19], Чита, – доложил нарком.

– Это слишком много. И никто не знает, на какую авантюру японские ученые могут пойти, получив еще более опасный вид бактерий, – хмуро произнес Сталин.

Он взял со стола ярко-коричневого дерева трубку с едва заметным золотым ободком и длинным, тонким мундштуком, покрутил в пальцах, было видно, что новая трубка явно не в его вкусе. Бросив ее на стол, он застыл на секунду, затем открыл коробку, вынул папиросу, зажег спичку и через ее огонек цепко посмотрел на Меркулова.

– Скажите, Всеволод Николаевич, а каким образом они планируют доставлять эти виды оружия на нашу территорию?

– Упор в будущей «чумной войне» генерал Исии делает на авиацию. Он создал керамические бомбы, которые будут начинять зараженными блохами. Испытания они уже провели. Также для распространения инфекций Исии планирует использовать домашних животных и зараженных крыс. Химическое оружие в виде авиабомб и артиллерийских снарядов японцы применяют в войне против китайцев с тридцать седьмого года.

Сталин положил недокуренную папиросу в глубокую пепельницу из белого мрамора и стал прохаживаться в раздумье по кабинету, держа перед животом левую, не полностью разгибающуюся руку. Наркомы поворачивали головы вслед, видя то помеченную оспой щеку, то жесткий седеющий затылок. В зале висела тяжелая тишина. «Слава богу, пронесло! Янус! При этом больше, чем двуликий!» – думал Меркулов, до сих пор испытывая холодок взгляда и подавляя желание провести по щекам рукой, чтобы убрать этот холод. Через несколько минут Верховный спросил Абакумова:

– А что говорит Смерш об авиационной группировке Квантунской армии в Маньчжурии? Как она дислоцирована по территории?

– По разведанным, товарищ Сталин, противник располагает в Маньчжурии сеть разветвленной авиационной инфраструктуры с оперативной емкостью не менее пяти тысяч боевых самолетов. Мощные авиабазы расположены в крупных городах – Хайларе, Цицикаре, Харбине, Чанчуне, Мукдене. На остальной территории разбросаны аэродромы и посадочные площадки, – доложил тот.

– Ваша задача, товарищ Абакумов, разведать и нанести на карты всю авиационную инфраструктуру и аэродромные точки японцев, а также выявить склады химического оружия. Командующий 12-й воздушной армией Худяков^[20] и командующий 9-й воздушной армией Соколов^[21] должны иметь эту информацию к началу кампании, чтобы подавить авиационные объекты в глубине вражеской обороны. Ни один самолет с бомбами этого чумного генерала не должен долететь до советской границы. Надеюсь, вы понимаете важность поставленной перед вами задачи? – закончил он вопрос на высокой ноте.

– Так точно, товарищ Сталин.

– Вопросы по защите нашей армии и гражданского населения от этих нелюдей обсудим потом. Я думаю, пора пообедать, – неожиданно сказал хозяин, встал со своего места и направился к двери.

Присутствующие поднялись из-за стола и пошли следом за ним. Они знали эту характерную привычку Иосифа Виссарионовича: если голоден он, то гости тоже должны быть голодными.

* * *

Овальное помещение для приема гостей называли, по распоряжению Хозяина, Большим залом. Справа от входной двери стоял рояль всемирно известной американской компании «Стэйнвей и Сыновья», возле него радиола, подаренная Черчиллем в 1941 году. Слева от входа находился камин, который топили очень редко, рядом круглый, покрытый скатертью стол с двумя телефонными аппаратами правительственной связи, возле стола два глубоких кресла. Паркет на полу покрывал дорогой персидский ковер, подаренный Сталину в Тегеране. Интерьер дополняли картины на стенах, кожаные диваны, кресла и стулья с высокими спинками. Длинный прямоугольный стол, занимавший центр зала, был уже сервирован с ближнего от входа края. На нем стояло все, что необходимо для обеда, вплоть до солонки и горчицницы. Еда была нехитрой – борщ, котлеты с вареным картофелем, салат. Прислуга в зале отсутствовала.

Сталин взял тарелку и, открыв супницу, щедро, немного неловко налил себе. Пригласив гостей сделать то же, он сел в противоположном конце стола с правой стороны. Ближний круг Сталина знал его привычку, и никто никогда не занимал этого места. Гости устроились неподалеку.

Когда с борщом было покончено, хозяин велел Берии налить всем вина. Тот взял запоздавшую, только из погреба, бутылку и разлил малиново-красное шипучее вино по бокалам.

– Будьте здоровы, – произнес Иосиф Виссарионович и утолил жажду.

– За ваше здоровье, – отозвались наркомы.

Пообедав, все вернулись в Малый зал.

* * *

Когда офицеры устроились за столом, Верховный возобновил совещание:

– Товарищ Митерев, мы заслушали донесения о бактериологическом оружии Японии, получается внушительная и опасная сила. Судя по количеству документов, я смотрю, вы хорошо подготовились. – Иосиф Виссарионович кивнул на толстую папку перед наркомом здравоохранения. – Доложите мне только данные о вакцинах.

Обстоятельный Митерев раскрыл папку и вынул из нее необходимую бумагу. Держа ее перед собой на вытянутой руке, нарком здравоохранения начал доклад:

– Товарищ Сталин, на сегодняшний день в Советском Союзе успешно применяется живая противочумная вакцина, живая вакцина против туляремии, сибирской язвы, сыпного тифа.

– Что же, они у вас все живые, Георгий Андреевич? – Желтые глаза Верховного блеснули усмешкой, улыбка погасла, едва родившись, но обстановка в кабинете стала менее напряженной.

– Микробиологи говорят, что они их значительно ослабили, товарищ Сталин. За годы войны доля инфекционных болезней в общей заболеваемости составила только девять процентов.

– Я знаю, какую огромную работу вы проводили во время войны, Георгий Андреевич, – нетерпеливо остановил его Сталин. – Способна ли наша медицина справиться с угрозой на Дальнем Востоке?

– Эпидемическая обстановка там всегда остается напряженной из-за бактериологических диверсий японцев. Поэтому в ноябре сорок первого года в Чите был открыт Институт эпидемиологии, микробиологии и гигиены^[22]. С сорок третьего года он приступил к производству вакцин, лекарственных бактериологических препаратов, витамина С из сосновой хвои.

В войсках тоже проведена подготовка. Воинским частям первых эшелонов приданы подвижные отделения санитарно-эпидемических отрядов и специальные противочумные отделения. Всему личному составу войсковых частей сделаны прививки, – доложил Митерев, уже не обращаясь к своим документам.

Верховный выслушал наркома здравоохранения и заговорил с особенно заметным акцентом:

– Ваши доклады убедили меня. Справиться с бактериологическим оружием японцев мы сможем, если используем накопленный опыт и уничтожим фабрики смерти на вражеской территории. Борьба с эпидемиями в действующей армии до сих пор была возложена на подразделения НКВД. Лаврентий Павлович Берия с этой задачей успешно справляется, думаю, и на Дальневосточном фронте мы все оставим так, как есть. Остался последний и очень важный вопрос: японское «оружие возмездия» «Сонго».

– Вирусолог Чумаков после командировки в Харбин в сороковом году упоминает об этом заболевании в своем докладе, – вспомнил нарком здравоохранения. – Он охарактеризовал этот вирус как высокопатогенный и особо опасный. Нашим ученым о нем мало что известно. По-моему, в Харбин с ним летала сотрудница научно-исследовательского института НКВД. Кажется, ее фамилия Черных. Вы можете затребовать от нее доклад, Лаврентий Павлович? – обратился Митерев со своего края стола к Берии.

– Из-за сложной эпидемиологической обстановки в Читинской области Черных переведена в Забайкальскую противочумную лабораторию. По линии органов она теперь подчинена товарищу Меркулову, – ответил Берия, блеснув круглыми стеклами очков в его сторону.

– Я думаю, вы разберетесь в этом сами, товарищи наркомы, – остановил назревающую перепалку Сталин, поднимаясь со своего места. – Ясно одно: до начала Маньчжурской операции эта лаборатория возле Хайлара должна быть уничтожена. Как это будет сделано, решать вам. – Прищутив глаза, он жестко посмотрел на Берия, Меркулова, Абакумова и добавил: – Думаю, нам пора прощаться.

«Лотос»

После апрельского совещания у Сталина нарком госбезопасности Меркулов поручил заместителю начальника внешней разведки Судоплатову переговорить с Черных о новом задании. Анастасию пригласили в здание Управления НКГБ по Читинской области. Разговор велся по телефону правительственной связи:

– Здравствуй, Настя! – поздоровался Судоплатов.

– Здравствуйте, Павел Анатольевич!

– Смерш будет формировать в июле группу для заброски за кордон, в которую обязательно включат тебя. Группу будет возглавлять офицер Смерш. Есть предположение, что под прикрытием скотоводческой фермы в районе Хайлара базируется бактериологическая лаборатория «Отряда 100», которую возглавляет твой хороший знакомый Вакамацу. Задача группы – во что бы то ни стало в кратчайшие сроки подтвердить точное местонахождение лаборатории. Болезнь «Сонго» тебе о чем-то говорит?

– Говорит. По возвращении из Харбина я прочитала все доступные источники. «Сонго» – особо опасная инфекция, исследователи отмечают при слабом иммунитете у больного высокую смертность.

– До нас дошла информация, что в лаборатории работают с этим вирусом и готовят его как «оружие возмездия». Возможно, где-то рядом с ней в целях маскировки может быть ложный объект «Отряда 100».

– Вакцины от этого заболевания нет, как и лекарств, – тихо произнесла Настя. – Если они сумеют повысить вирулентность и патогенность вируса хотя бы в два раза, оно станет опаснее чумы.

– Ты ученый, важность задания объяснять тебе не нужно. В лабораторию надо проникнуть под любым предлогом. При встрече с Вакамацу можешь передать формулу вакцины, которой привиты военнослужащие войск Забайкальского фронта. У нас есть информация, что она известна сотрудникам японского консульства в Чите, а значит, и японской жандармерии. Это разрешение Центра. Вопрос о численности привитых военнослужащих Забайкальского фронта реши с Соколовым и начальником Смерш Салоимским. За кордоном при необходимости возьмешь руководство группой на себя. В этом случае руководителю группы, офицеру Смерш, скажешь: «Корни лотоса в пустыне не растут». Он должен ответить: «Говорят, что они хорошо растут в Чанчуне» и передать руководство тебе.

– Как я узнаю, что это время пришло? – Настя перехватила трубку вспотевшей от волнения рукой и плотнее прижала к уху.

– Действуй по обстановке. Главное, проследи, чтобы шифровку о точном местонахождении лаборатории направили по радио немедленно. Но это еще не все. Если появится возможность и будет предложение от японцев о твоей работе в их научном центре в Пинфань, соглашайся. Все эти годы мы готовили тебя к такой работе. Об этом задании будет знать только узкий круг лиц в Москве. Куратором остаюсь я. Твой позывной будет «Лотос», мой для тебя по-прежнему – «Андреев».

– Товарищам по отряду я сказать ничего не смогу? – Настя еще больше разволновалась.

– Нет. Это задание особой важности. В Харбине к тебе может обратиться наш нелегал. Связной будет приходить по определенным числам в русское кафе «Савоя» на Китайской улице, ныне она называется Центральной. Пароль: «Привет Лотосу от Андреева». Твой ответ: «Да, лотос – красивый цветок». Наш сотрудник знает тебя по фото, а твой ответ подтвердит, что он не ошибся. Нелегал может передать мои указания, может оказать тебе помощь. Ко мне еще вопросы есть?

– Нет, Павел Анатольевич!

– Тогда будем прощаться. Я уверен в твоём успехе, Настя. До свидания!

* * *

Японская разведка вышла на Черных спустя полгода после поездки в Харбин, в августе сорокового года. Все годы войны Судоплатов снабжал ее дезинформацией, которую она передавала японцам. В декабре сорок четвертого года Управление НКГБ СССР начало разработку операции «Корни лотоса» по внедрению своего агента в один из научных центров Японии, занимавшийся разработкой биологического оружия. Тогда же Настя сообщила Вакамацу, уже ставшему генералом, что ее переводят в Читу на работу в противочумную станцию. Он принял решение не передавать ее на связь японским разведчикам-дипломатам под прикрытием Читинского Главного консульства Маньчжоу-Го, так как считал, что русская контрразведка плотно контролирует дипломатов и знает их тайники. Вакамацу передал ей для связи данные об агенте-нелегале, проживавшем в Чите, предупредив, что использовать эту связь она может только в особых случаях.

Глава 3

Чита, июль 1945 года

Черная эмка притормозила на минутку возле поста охраны военного аэродрома «Черемушки»^[23], проехала к взлетному полю и остановилась рядом с зелено-коричневым «виллисом» с открытым кузовом. Из эмки вышли два человека в гражданской одежде и направились к майору в армейской пехотной форме, который стоял возле американского внедорожника.

– Добрый день, Николай Петрович! – поздоровался невысокий стройный брюнет с темными вьющимися волосами. – Нового начальника Управления встречаете?

– Так точно, товарищ полковник. Только самолет что-то задерживается, – пожав протянутую ладонь, ответил порученец.

Они с тревогой взглянули на северо-запад, откуда наплзали сизые, с рваными краями тучи и доносились глухие раскаты грома.

– Время еще есть. Легчик, вероятно, грозовой фронт обходит, – сказал спутник полковника – крепкого сложения мужчина с широким лицом и глубокими залысинами над высоким лбом. Вынув из кармана пиджака портсигар, он неторопливо закурил, щуя серо-зеленые глаза от папиросного дыма.

Вскоре на фоне темного неба блеснули крылья пассажирского Ли-2. Пробежав метров четыреста по полосе, самолет остановился, по правому борту открылась дверца, и на бетонку спустился невысокий худощавый мужчина лет сорока пяти, одетый в светло-серый костюм. Встречающие поспешили ему навстречу.

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант. – Майор поднес ладонь к козырьку фуражки.

– Здравствуйте, Николай Петрович! – Прибывший пожал ему руку и повернулся к незнакомцам.

– Соколов Алексей Алексеевич^[24], начальник Управления НКГБ по Читинской области, – протянул в приветствии руку брюнет и отрекомендовал своего спутника: – Знакомьтесь, мой заместитель – подполковник Григоров Родион Андреевич^[25].

– С приездом, товарищ Зеленин^[26], – отвечая на рукопожатие генерала, поприветствовал его Григоров. – Как долетели?

– Нормально долетели, только при заходе на посадку пару раз тряхнуло, – скупно улыбувшись, ответил тот.

– Павел Васильевич, надвигается гроза, думаю, в нашей машине будет удобнее, – открыв дверцу эмки, пригласил Соколов.

– Пожалуй, вы правы, Алексей Алексеевич, – взглянув на потемневшее небо, согласился Зеленин. – Можете быть свободны, – отпустил он своего порученца.

Машины развернулись и помчались в сторону города по пролегающей через степь дороге. Миновав южные окраины Читы, они доехали до привокзальной площади, притормозили возле трехэтажного дома по улице Бутина, 1^[27], не выделявшегося среди остальных зданий ни вывесками, ни охранявшими вход часовыми. Мало кто из читинцев знал, что в этом доме из темно-красного кирпича с арочными окнами на фасаде второго этажа находилось Управление военной контрразведки Смерш Забайкальского фронта.

Трескучий удар грома раскатился над Читой, по стеклам машины застучали первые тяжелые капли – ливень все-таки нагнал их в городе.

– Может, отвезти вас на квартиру, товарищ генерал? – спросил Соколов, глядя сквозь стекло на пузырящиеся под струями воды лужи.

– Нет, сначала зайду в Управление, а завтра, как договорились, в десять часов прибуду к вам, – отказался Зеленин и, решительно открыв дверцу, нырнул в белую пелену дождя.

* * *

Водитель вел машину по залитым солнцем улицам. Облокотившись на открытое окно, Зеленин разглядывал город – возле домов были отрыты щели на случай бомбежки, на стенах нарисованы указательные стрелки с надписями «Бомбоубежище», окна крест-накрест заклеены бумагой. Но несмотря на признаки надвигающейся войны, Чита выглядела мирным тыловым городком по сравнению с сожженными и разрушенными городами европейской части страны.

Виллис остановился возле дома на Ленина, 84. «С шиком устроились контрразведчики, целый дворец заняли», – подумал генерал, с любопытством оглядывая роскошное, выкрашенное в розовый цвет трехэтажное здание, фасад которого украшала белая узорная лепнина и балконы с ажурными решетками^[28].

У входа в здание его встретил подполковник Григоров. В просторном, разделенном арками холле генерала стоя приветствовали два дежурных помощника коменданта. По широкой парадной лестнице, украшенной кованой решеткой, Зеленин и Григоров поднялись на второй этаж и свернули по коридору налево. Навстречу им уже шел Соколов.

– Доброе утро, Павел Васильевич!

– Здравствуйте, Алексей Алексеевич! Вы не против, если во время нашей беседы будет присутствовать ваш заместитель? – придержав ладонь полковника, спросил Зеленин.

– Хотел это сам предложить. Родион Андреевич знает оперативную обстановку в области еще с мая сорок первого года, – распахнув перед ними дверь в кабинет, ответил Соколов.

Июльское солнце всюду припекало сквозь приспущенные шторы, и, несмотря на открытые форточки, в кабинете было душно. Гость снял фуражку с круглой генеральской кокардой, положил на вешалку, вынул из кармана платок и вытер вспотевший лоб. Причесав перед зеркалом пепельного цвета волосы, открывавшие высокий крутой лоб, прошел к приставному столу. Григоров занял стул недалеко от генерала.

– Чай, кофе или по рюмке коньяка? – устроившись напротив них, предложил Соколов.

– Чашку кофе без сахара, а коньяком угостите после работы, – ответил Зеленин.

Откинувшись на спинку стула, он внимательно осмотрелся. Остановил взгляд на расписном потолке, красивой бронзовой люстре, свисающей с рельефной розетки, и снова с укоризной подумал: «Слишком роскошно устроилась госбезопасность, у Смерш апартаменты поскромнее...»

Узнав о переводе Салоимского в Управление военной контрразведки Дальневосточного фронта, Соколов навел справки о новом оперативном начальнике. Зеленин слыл человеком резким и чрезмерно замкнутым. Вот и сейчас по плотно сжатым губам генерала было видно, что он чем-то недоволен. Вероятно, как и многие из тех, кто прибывал в Забайкалье с запада, кто прошел в боях до Берлина, он считал, что они здесь, в тылу, отсиживались.

Выполняя просьбу Соколова, секретарь принес на подносе фарфоровые чашки с кофе, молочник, сахарницу, расставил все на столе и вышел.

– Перед вылетом из Москвы я ознакомился с оперативной обстановкой в области и за кордоном, но строки докладов не дают полной картины, хотелось бы услышать подробности, – сделав глоток, произнес Зеленин.

– Нам удалось сохранить в тайне, что по Транссибу прошло приблизительно сто тридцать пять тысяч вагонов с войсками и грузами. Помогло японское неверие в наши возможности. Разведка подтвердила: в Квантунской группировке считают, что мы начнем боевые действия не раньше сентября – октября. – Соколов прикурил папиросу и помахал рукой, гася спичку.

– Мне вчера докладывали, что в Генеральном консульстве Маньчжоу-Го, по улице Бабушкина, 72, под дипломатическими паспортами живут офицеры второго отдела Генерального штаба Японии, которые занимаются шпионажем^[29]. – Гость строго взглянул на хозяина кабинета.

– Да, дипломаты чувствуют себя в городе более чем свободно, – почти весело согласился с ним Соколов. – Но могу заверить, что они ходят по улицам, отдыхают на озере Кенон, ездят на вокзал и даже на охоту под нашим контролем. Закрывать консульство и рассекретить шпионов нельзя, японцы сразу закроют российские представительства в Маньчжурии, и мы потеряем связь с нашими гражданами за границей. Поэтому, как бы это ни нравилось нам, условия Пакта о нейтралитете мы соблюдали.

– Пакт о нейтралитете денонсирован. Сейчас необходимо быть бдительными как никогда. Перегруппировка войск еще не закончилась, Отсутствие естественных препятствий вдоль границы Забайкалья играет на руку противнику. При нанесении удара японцы могут достичь оперативной глубины в любом направлении в течение суток. Не надо объяснять, какими тяжелыми будут последствия. – Режущий холодок его взгляда коснулся лица Соколова.

– Не такие уж мы и беззащитные. Вдоль всей границы за время войны построены укрепления, доты и дзоты, противотанковые траншеи. Легко японцам не будет. – Глаза хозяина кабинета колюче глянули на генерала. – Пограничники тоже знают свое дело. Нас больше всего беспокоит подготовка и испытание бактериологического оружия Квантунской армией.

Он вынул из сейфа картонную папку, положил на стол и продолжил: – В августе тридцать девятого года в боях на реке Халхин-Гол Квантунская армия впервые применила бактериологическое оружие против советско-монгольских войск. Нашей разведке тогда удалось захватить военнослужащего из отряда майора Икари. Вот его показания. – Соколов вынул из папки бумагу с машинописным текстом и протянул Зеленину.

Генерал взял листок в руки:

«12 июля 1939 года наша группа под руководством майора Икари была доставлена на грузовиках к опушке соснового бора недалеко от реки Халхин-Гол, за пределами видимости с западного берега. Мы были одеты в полевую форму, чтобы выглядеть как обычные военнослужащие. На берегу выгрузили две надувные лодки, десять больших металлических канистр и стеклянных бутылей с концентратами бактерий сапа, брюшного тифа, холеры и чумы, металлические фляги для воды, ковши-черпаки, тросы и другой инвентарь.

Передвигались в сторону берега скрытно, лодки, оборудование и инвентарь переносили на себе. Когда достигли опушки у правого берега реки, майор Икари в бинокль осмотрел противоположный монгольский берег. Не обнаружив противника, мы накачали лодки, погрузили в них емкости с концентратами бактерий и спустили на воду. Когда достигли середины реки, одни солдаты по команде Икари стали грести вверх по течению, а другие открыли емкости и приступили к выгрузке концентратов в воду Халхин-Гола. Чтобы не заразиться, бактерии выгружали так, чтобы течение их сразу относило от лодки. Мы прошли один километр по реке, выгрузив в воду двадцать два килограмма сметанообразного концентрата. Офицеры на берегу осуществляли забор образцов воды черпаками, измеряли ее температуру и скорость течения. Результаты вносили в журнал, вели фотосъемку. После этого всему личному составу Квантунской армии на передовой было указано употреблять только отфильтрованную с помощью фильтров и машин для фильтрации воду».

– И все это сошло им с рук? – Зеленин взглянул на собеседников цепкими серыми глазами.

– Отряд Икари успели заметить и почти уничтожить. Из наших солдат никто не заболел, а вот японцам преступление аукнулось. Во второй декаде августа госпиталь в Хайларе был переполнен больными брюшным тифом. Однако эпидемия внутри собственной армии не

остановила японцев. До заключения перемирия они еще трижды распространяли бактерии в верхнем течении рек Халхин-Гол и Хулусытай^[30], — ответил Григоров.

— Вы выясняли у эпидемиологов, почему заражение произошло только брюшным тифом? — спросил Зеленин, уточняя детали.

— Я проконсультировался со старшим специалистом эпидемиологической лаборатории Петряевым. В воде брюшнотифозная палочка сохраняется дольше всех — до трех месяцев. Зато при кипячении погибает мгновенно, а дезинфицирующие растворы убивают ее за несколько секунд, — ответил Соколов. — Видимо, японские диверсанты рассчитывали на санитарную безграмотность наших людей.

— Это надо учесть и провести работу среди приграничного населения, — назидательно сказал генерал, сделав заметку в своем блокноте.

— Областной санитарный инспектор Гринберг уже организовал работу^[31]. Эпидемиологи областной санэпидемстанции постоянно в командировках. Они проводят подворные обходы, занимаются просвещением населения. Ни один человек не может выехать из города, не имея справки от СЭС, — сухо доложил Григоров.

— Похоже, нам придется планировать операции совместно с медициной, — заметил генерал, постукивая кончиком карандаша по столу.

— Здесь все, что удалось собрать по биологическому оружию, — Соколов пододвинул генералу папку с грифом «Совершенно секретно».

Зеленин надолго замолчал, внимательно изучая документы. Положив на стол последний лист, он расстегнул воротник кителя, словно тот стал его душить, произнес:

— Кажется, вы обещали угостить меня коньяком, Алексей Алексеевич.

Хозяин кабинета достал из шкафа наполненный янтарным напитком графин, три бокала и тарелку с закуской. Сначала налил гостю, Григорову, потом себе. Предложил тост:

— За победу!

Они выпили, молча закусили. Соколов взял со стола указку, подошел к большой оперативной карте Читинской области с прилегающей к ней территорией Маньчжоу-Го и Монгольской Народной Республики.

— По оперативным сведениям, в десяти километрах от города Чанчунь, в местечке Мэнцзятунь, размещается Иппоэпизоотическое управление Квантунской армии, или «Отряд 100». — Он коснулся указкой столицы Маньчжоу-Го. — По нашим данным, в отряде работают с возбудителями сибирской язвы, сапа, ящура, чумы рогатого скота, с болезнью злаков спорыньей.

— Император Маньчжоу-Го знает об этом? — спросил Зеленин.

— Император Пу И — обычная марионетка. Маньчжоу-Го фактически управляет командованием Квантунской армии во главе с генералом Ямадой Отодзо.

— Какими данными располагают ваши агенты об «Отряде 100»?

— Подобраться к этому сверхсекретному объекту долго не было возможности. Учитывая серьезность ситуации, мы выкрали и вывезли в Союз одного из служащих этого Управления. От него удалось узнать, что в шестидесяти километрах к северо-востоку от Хайлара, недалеко от станции Якеша построена учебная база отрядов Асано, которая имеет неофициальное название «Медвежий отряд». — Указка остановилась на обозначенной флажком точке на карте в предгорьях Хингана. — С зимы сорок четвертого года дорогу от нее продлили на северо-восток и закрыли местному населению свободный доступ в этот район. Нам удалось узнать, что в усиленно охраняемом районе находится скотоводческая ферма. Есть подозрение, что ферма — это секретный объект, лаборатория по разработке и производству биологического оружия, — сообщил Григоров.

— Против которого у нас, возможно, нет ни вакцины, ни лекарств. Представляете, Алексей Алексеевич, что будет, если мы не успеем перехватить японцев вовремя? — Зеленин встал и нервно прошелся по кабинету.

– Представляю, товарищ генерал-лейтенант. Чита, Хабаровск и Благовещенск находятся на острие удара. – Глаза Соколова зло блеснули. – За долгие годы войны люди истощены морально и физически, ослабли от недоедания. Вызвать сейчас эпидемию – значит опустошить от населения Дальний Восток и Забайкалье.

– Похоже, товарищи офицеры, мы с вами будем вести войну, с которой до сих пор не сталкивалась ни одна армия мира. Только извращенный ум мог придумать невидимое оружие, несущее медленную, мучительную смерть. Опасным станет все – вода, продукты, животные, сами люди станут опасными. Не понимаю! Японцы думают, что они бессмертны и эпидемия их не затронет? – остановившись напротив Соколова, возмущенно спросил генерал.

– Видимо, надеются отсидеться на своих островах.

Зеленин вернулся за стол, собрал разложенные бумаги в папку, аккуратно завязал тесемки и произнес:

– Перед вылетом в Забайкалье у меня был разговор с Абакумовым. Он потребовал собрать данные об этой лаборатории в кратчайший срок, уточнить ее местонахождение и доложить ему полученную информацию немедленно. Это приказ Верховного. Поэтому предлагаю сформировать особую оперативно-розыскную группу и отправить за кордон.

Глава 4

Операция «Беркут»

Июльским утром 1945 года младший лейтенант Егор Комогорцев спрыгнул с подножки вагона на пропахший углем и мазутом перрон Читы. На привокзальной площади было много людей в военной форме, с наградами на груди – фронтовики возвращались домой после объявленной в июне демобилизации. Поправив на плече вещмешок, Егор направился в сторону улицы Молотова^[32], мимо сквера, где в пустой каменной чаше фонтана, отчаянно чирикающая, дрались воробьи. Аккуратно обходя лужи – следы ночного ливня, он добрался до высокого забора стадиона «Динамо», за которым раздавались свистки и громкие голоса: футбольная команда тренировалась с утра пораньше. До войны он гонял здесь мяч в составе «Локомотива». Ему тоже захотелось пробежаться по полю, забить гол... Борясь с искушением, Егор замедлил шаг, но отогнал непрощенные мысли – на баловство не было времени. Он спешил навестить невестку, которая после гибели брата Антона осталась в городе одна.

Егор прошел квартал, свернул на Шилкинскую^[33] улицу, миновал городской сад, двухэтажное здание фельдшерско-акушерской школы. Когда впереди показались одноэтажные домики Татарской слободы, он непроизвольно ускорил шаг, спеша к пятистенному дому с окнами в белых резных наличниках. Еще издали он услышал звонкий смех Анны, так весело она смеялась, только разговаривая с братом. Сердце екнуло в радостной надежде: «Может, похоронка пришла по ошибке и Антон жив?» Егор бегом бросился к невысокому штакетнику. Под навесом у рукомойника мылся голый по пояс черноволосый мужчина. Невестка с полотенцем на плече стояла рядом и радостно улыбалась. Узнав в незнакомце соседа Зарифа, которого призвали в армию в один день с братом, Егор в последней надежде оглядел двор. Однако тут больше не было никого.

– Егорша! – словно сквозь туман, донесся растерянный голос невестки.

Аня оторопело смотрела на него большими синими глазами, прижав к губам полотенце. Не желая слышать ее оправданий, он отшатнулся от ограды и почти бегом, ничего не замечая вокруг, кинулся прочь.

Громкий сигнал автомобиля заставил отскочить к обочине. Окатив его водой из лужи, мимо промчалась полуторка. Вытирая брызги с лица, Егор со злостью оглядел новенькую, заляпанную грязью форму. Появиться в таком виде в Управлении контрразведки было невозможно. Ругая в душе последними словами лихача-водителя грузовика, он побрел к городскому саду^[34]. Нашел в парке пустую скамейку возле своенравной речки Кайдаловки и пристроил на нее вещмешок. Достав казенное вафельное полотенце с размытым лиловым штампом в углу, спустился к воде. Умывшись, вытер лицо и руки, оторвал от полотенца лоскут и принялся чистить одежду. Грязь легко оттерлась, на гимнастерке и галифе остались только влажные пятна. До назначенного времени оставалось около получаса, Егор сел на скамейку, прикрыл от яркого солнца глаза. Увиденное во дворе брата не выходило из головы. Он представил, как Зариф устраивается во главе стола на место Антона, а Аня, сияя улыбкой, ставит перед ним тарелку с борщом, садится напротив и, подперев голову ладошкой, наблюдает, как тот с аппетитом ест.

– Предательница! – Не в силах простить невестке измену, он стукнул кулаком по скамейке. Отгоняя тяжелые мысли, глубоко вдохнул пахнувший нагретой листвой и ромашкой воздух, подумал со злостью: «Зря радовался, что из всего выпуска спецшколы одного меня отправили в Читу. Думал, возвращаюсь домой, а она в нем уже примака приголубила. Порога к ней больше не переступлю!»

* * *

За пять минут до назначенного времени Егор стоял на улице Бутина, 1. Он осторожно приоткрыл дверь, вошел внутрь, подал солдату из охраны удостоверение и сопроводительные документы. Проверив бумаги, боец объяснил ему, что нужно пройти в кабинет дежурного. Егор провел большими пальцами под ремнем, расправил гимнастерку, с сомнением посмотрел на сапоги и, стараясь не греметь железными подковками каблуков по выложенному кафельной плиткой полу, приблизился к двери с надписью «Дежурный». Постучал. Услышав в ответ «Войдите!», зашел внутрь. Комната была небольшой. Напротив занавешенного шторой окна за столом сидел тучный усатый капитан. По покрасневшему, усыпанному оспинами лицу и расстегнутому вороту суконной гимнастерки было видно, что ему очень жарко. Офицер печатал на пишущей машинке. В стеклянной пепельнице лежала гора окурков. Паутина папиросного дыма медленно плавала по кабинету.

– Здравия желаю, товарищ капитан! Младший лейтенант Комогорцев прибыл для дальнейшего продолжения службы! – громко отчеканил Егор.

– Тс-с! Ты откуда такой громогласный явился? – болезненно морщась, спросил офицер.

– Из Хабаровска, – сделав шаг к столу и положив документы, уже тише ответил Егор.

– Пополнение, значит... – развернул бумаги дежурный.

В кабинете повисло молчание. Вытянувшись по стойке «смирно», Егор осторожно разглядывал комнату: по правую руку капитана, на квадратной тумбочке, стоял черный телефон с вертушкой. Над ним висел портрет Сталина. Слева находился двустворчатый шкаф из полированного дерева, сквозь стеклянные дверцы виднелись картонные папки с бумагами. В углу громоздился высокий металлический сейф.

Закончив читать, капитан снял трубку, набрал номер и произнес:

– Здравствуйте, Николай Петрович! Мамаев еще у вас? Тут к нему пополнение прибыло. К вам отправить, или Семен Дмитрич сюда зайдет? – выслушав ответ, вернул трубку на место. Заметив, что младший лейтенант так и стоит навтыжку, буркнул:

– Вольно! Присаживайтесь на стул. Велено ожидать начальство здесь.

* * *

Спустя три дня после визита Зеленина в Управление НКГБ Соколов договорился с ним по телефону о встрече в десять утра. Кабинет начальника Управления Смерш находился на третьем этаже. При виде полковника адъютант торопливо встал из-за заваленного бумагами письменного стола.

– Товарищ генерал-лейтенант распорядился, чтобы вы заходили, как только прибудете, – сообщил он.

Соколов вошел следом за офицером в знакомый ему кабинет. Зеленин сидел напротив двери за дубовым столом, к которому был приставлен еще один, буквой «Т». На прямоугольнике зеленого сукна письменного стола стояли несколько телефонов, прибор для канцелярских принадлежностей и бюст Дзержинского из молочно-белого камня. В проеме между окнами висел портрет Ленина. Зеленин поднялся из рабочего кресла и пошел навстречу гостю, протягивая в приветствии сухую, жилистую руку:

– Здравствуйте, Алексей Алексеевич! Все говорят, в Сибири холодно, а у вас тут жара за тридцать.

– Люди правду говорят, Павел Васильевич, зима здесь длится девять месяцев, а такая погода стоит лишь в июле, в августе ночи станут холоднее, – пожав ладонь генералу, ответил Соколов.

Он пристроил на вешалке фуражку с васильковым верхом и малиновым околышем и сел за приставной стол.

– Мы подготовили план операции. – Полковник госбезопасности достал из своего портфеля папку с грифом «Совершенно секретно».

Зеленин внимательно просмотрел документы, произнес:

– Я мало знаком с сотрудниками, поэтому обратился вчера за консультацией к начальнику Управления военной контрразведки Дальневосточного фронта Салоимскому^[35]. В телефонном разговоре он посоветовал создать оперативную группу из сотрудников УНКГБ и Управления Смерш во главе с вашим заместителем – подполковником Григоровым. Также он предложил включить в нее переводчиком Александра Леонтьевича Клетного^[36].

– Клетного? – обескураженно глянул на него Соколов.

– Хотите сказать, что он осужден как враг народа?

– Совершенно верно. Клетный осужден как «враг народа» двадцать четвертого июня сорок первого года. Он уже четыре года сидит во внутренней тюрьме, которая находится во дворе нашего Управления. Да, он особый заключенный... По приказу Портнова в сентябре сорок первого года для него оборудовали в камере кабинет и спальню, собрали необходимую библиотеку, обеспечили пайком как сотрудника и привлекли к переводу и обработке документов, получаемых разведкой. Фактически он не сидит, а работает как сотрудник Управления.

– Это тот Портнов, который сейчас начальник Читинского Управления НКВД?

– Да, в сорок третьем он стал комиссаром государственной безопасности и его назначили туда начальником, – подтвердил Соколов.

– В интересах дела мне надо обязательно встретиться с ним. – Зеленин сделал запись в лежавшем перед ним блокноте.

– Иван Борисович знал, какой уникальный специалист Клетный. Александр Леонтьевич был разведчиком в Токио, в совершенстве знает все диалекты японского языка, японские обычаи и традиции. За годы пребывания в тюрьме он во многом нам помог. На основе разведанных Клетный составил сборник в трех томах о белой эмиграции в Маньчжурии и подготовил уникальную научную работу – двухтомник «Маньчжурия. Забайкальское направление».

Зеленин встал, прошелся по ковру и остановился возле выходившего на запад окна, разглядывая виднеющиеся вдали горы Яблонового хребта. Ему было горько осознавать, как безжалостно перемалывала судьбы чекистов чистка в их рядах. В организации попадались оборотни, но было немало и тех, кто пострадал невинно.

– Я поддерживаю ваше решение, Павел Васильевич, – прервал затянувшееся молчание Соколов. – Если база существует, то проникнуть туда будет крайне трудно. Рассчитывать на поддержку местного населения нельзя, уже несколько опергрупп было выдано как китайцами, так и русскими белоэмигрантами. Чтобы не вызвать ни малейшего подозрения, группу нужно готовить с особой тщательностью, а Клетный – опытный специалист и отлично знает этот район Маньчжурии.

– Ну вот и решили, – вернувшись за стол, произнес Зеленин. – Отправим Григорова и Клетного в Даурский укрепрайон на самолете. Там, вблизи от границы, Родион Андреевич будет руководить операцией. Они вместе с Клетным подготовят опергруппу и будут обрабатывать добытые ею данные. Алексей Алексеевич, я просил вас переговорить с начальником секретной части Забайкальской противочумной лаборатории Черных об участии в закордонной операции.

– Этот вопрос решен, она готова участвовать в операции. Нарком Меркулов тоже дал согласие на включение Черных в группу.

Разговор прервал аккуратный стук в дверь, вошел адъютант и доложил:

– Товарищ генерал-лейтенант, вы приказывали сообщить о прибытии капитана Мамаева из отдела военной контрразведки 36-й армии. Он ожидает в приемной.

– Пригласите его, Николай Петрович, – распорядился Зеленин.

– По вашему приказанию прибыл, товарищ генерал-лейтенант! – четко отрапортовал офицер, вошедший следом за адъютантом.

– Проходите, Семен Дмитриевич, садитесь к столу, – пригласил Зеленин, оценивающе разглядывая крепкого, среднего роста капитана в общевойсковой форме с типичным для забайкальца темноглазым скуластым лицом.

Кинув настороженный взгляд на полковника госбезопасности Соколова, тот устроился в торце стола.

Мамаев встретился с Зелениным первый раз в сорок четвертом году. С той поры лицо генерала стало еще жестче, обозначились резкие складки возле рта, редкие светлые брови еще больше нависли над серыми глазами.

– Представлять вас друг другу не нужно, вы знакомы по прежней работе, – произнес Зеленин. – Как обстановка на границе?

– Японская разведка усилила свою работу. На участке Даурия – Борзя за последнее время было задержано шестнадцать агентов Харбинской ЯВМ. Четвертого июля в селе Богдановка схватили шестерых диверсантов. При задержании у них обнаружили оружие, радиопередатчик и взрывчатку. На допросе арестованные показали, что пробирались к складам ГСМ на станциях Дасатуй и Нарын-Талача, – доложил Мамаев.

– Я вызвал вас в Управление, чтобы сообщить о новом задании. Вам предстоит переправиться с опергруппой за кордон, в район Барги. Поступили данные, что неподалеку от Хайлара Иппоэпизоотическое управление Квантунской армии построило скотоводческое хозяйство. Объект усиленно охраняется. Работают там только японцы. Задачей вашей группы будет выяснить, не является ли это хозяйство бактериологической лабораторией по производству биологического оружия.

Генерал подошел к стоявшему за книжными шкафами сейфу, достал тонкую картонную папку и положил перед Мамаевым.

– Ознакомьтесь с документами. Это личные дела сотрудников спецгруппы, здесь же задание и маршрут следования. Дополнительные вводные получите в Даурии у руководителя операции – подполковника госбезопасности Григорова.

Минут через десять Семен Дмитриевич сложил аккуратной стопкой листки бумаги – натренированная память с фотографической точностью зафиксировала все, что он увидел. Зеленин забрал документы, перелистал, сложил в папку.

– Товарищ генерал-лейтенант, можно обратиться?

– Обращайтесь, капитан.

– Вы включили в группу младшего лейтенанта Комогорцева. Может, заменим его кем-нибудь из наших ребят? Они обстановку знают лучше.

– Никого менять не будем, – возразил Зеленин. – Комогорцев прибыл сегодня из Хабаровской спецшколы, ждет вас у дежурного. Во время учебы он зарекомендовал себя отлично, а главное, он местный, из Нерчинского района.

– Ясно.

Они обсудили еще ряд вопросов по операции, и на прощание Зеленин сказал:

– Распоряжения насчет вас и младшего лейтенанта я дал, возьмете у адъютанта продуктовые аттестаты, отоваритесь сухим пайком в хозяйственной части, остановитесь в нашей гостинице. Завтра с утра в госпитале пограничников заберете сотрудников передвижной лаборатории со всем необходимым и отправитесь в Даурский укрепрайон. Лаборатория нужна, чтобы ни у кого не возникло лишних вопросов. Познакомьтесь с членами группы по дороге. Удачи, капитан! – Генерал крепко пожал руку Мамаеву.

– Разрешите идти?

– Идите!

Когда Мамаев вышел из кабинета, Соколов спросил:

– А вы, Павел Васильевич, похоже, знакомы с капитаном?

– Зоркий глаз контрразведчика не обманешь, – весело усмехнулся Зеленин, открыл портсигар и предложил Соколову папиросу.

– С июня по декабрь сорок четвертого года Мамаев служил в Управлении контрразведки Смерш 3-го Белорусского фронта, куда его направили для получения боевого опыта. Я был в то время там начальником. Как забайкальца я отправил его в 11-ю гвардейскую армию к Константину Константиновичу Рокоссовскому, которая участвовала в операции «Багратион». За одну из разведывательных операций Семена Дмитриевича наградили орденом Красной Звезды. Я лично подписывал его наградной лист и вручал награду, – сказал Зеленин.

– Однако вернемся к нашему вопросу, – продолжил обсуждение плана Соколов. – Кодовое название операции – «Беркут». Закордонную группу будет возглавлять капитан Мамаев, по легенде – Нимчинов Тимур Батоевич, позывной «Сойка»; его женой будет Черных, по легенде – Нимчинова Анна Леонидовна, позывной «Филин». В составе группы лейтенант Краснов, по легенде – Генрих Оттович Мюллер, позывной «Сорока»; младший лейтенант Комогорцев, по легенде – работник Нимчиновых Петр Попов, позывной «Иволга», радист.

– Виктор Семенович Абакумов предупредил меня, что в критической ситуации руководство группы переходит к Черных, она сообщит пароль Мамаеву. Мамаев мною предупрежден, пароль и ответ на него я ему сообщил. Когда возглавить группу, Анастасия Викторовна решит сама, перед капитаном я ее не раскрывал.

– Судоплатов известил меня об этом, – сказал Соколов.

– Чтобы легенда была абсолютно достоверной, вам необходимо обратиться в Наркомат госбезопасности СССР за разрешением о регистрации коммерческой фирмы промышленников Генриха Оттовича Мюллера и Тимура Батоевича Нимчинова в Харбине с января сорок пятого года. Сделать это надо через резидентуру Харбинского советского консульства.

– Сделаем. Когда документы должны быть готовы? – закурив очередную папиросу, спросил Алексей Алексеевич.

– Москва потребовала доложить о готовности группы к работе уже через две недели. Ставка утвердила ее переброску за кордон. В назначенное время их переправят на правый берег Аргуни в районе заставы «Староцурухайтуй». Для успешного внедрения группы вам разрешено задействовать агента «Бек» и резидента в городе Хайларе.

– Разрешение получено, – подтвердил Соколов и озабоченно добавил: – На подготовку группы отвели очень мало времени.

– Наверху виднее, – уклончиво ответил генерал.

Он пожал на прощание руку полковнику, прикрыл за ним дверь и вернулся к окну. Задумчиво разглядывая зеленеющие вдаль сопки, Зеленин размышлял: «Прав полковник, мало у них времени осталось для выполнения приказа Сталина. Хотя информации о сроке начала наступательной операции из Москвы не поступало, но по общему настрою чувствуется, что остается не больше месяца».

Глава 5

Знакомство

Семен спустился на первый этаж, заглянул в комнату дежурного.

– Здравия желаю! – поприветствовал он капитана Перельгина, своего давнего знакомого еще по пехотному училищу.

– Что-то надолго задержали тебя, – сказал тот, приподнявшись на стуле и крепко пожимая его ладонь. – Парень совсем сомлел, пока ждал.

Мамаев с любопытством посмотрел на младшего лейтенанта. Тот стоял перед ним, вытянувшись по стойке «смирно». Здоров! Про таких молодцев говорят «косая сажень в плечах». От пристального взгляда командира щеки офицера заалели, а серые глаза потемнели, словно небо перед грозой. Вскинув ладонь к козырьку фуражки, он громко отрапортовал:

– Младший лейтенант Комогорцев Егор Иннокентьевич, направлен для дальнейшего прохождения службы в Управление военной контрразведки Смерш Забайкальского фронта.

– Мамаев Семен Дмитриевич, старший оперуполномоченный отдела военной контрразведки Смерш 36-й армии, – представился капитан. – Теперь вы поступаете в мое распоряжение, младший лейтенант. Сейчас отоварим продовольственные аттестаты и поедем отдохнем в гостинице, а завтра начнем работать.

* * *

Мамаев задержался в хозчасти, а Егору велел идти к машине, стоявшей с торца здания. Завернув за угол, младший лейтенант увидел полуторку, которая утром окатила его грязью. Водитель-лихач дымил самокруткой, устроившись на подножке автомобиля.

– Встаньте, сержант! Вы сегодня облили грязью офицера контрразведки. – Егор грозно навис над худощавым невысоким шофером. Тот неторопливо погасил окурочек и молча встал.

– Скажите спасибо, что Лешка виртуозно водит машину, – раздался за спиной Егора голос капитана. – Если бы он не успел отвернуть, вы сейчас находились бы в госпитале, а то и того хуже... Офицер контрразведки должен иметь глаза даже на затылке, а вы шагали по дороге, как ворона, – сказал Мамаев и направился к кабине. – Инцидент исчерпан. Забирайтесь в кузов, – сердито добавил он, оглянувшись на продолжавшего стоять младшего лейтенанта.

Егор закинул вещмешок в кузов и залез туда сам. С белесого, выцветшего неба нещадно припекало июльское солнце. «Жарит на все сорок», – подумал он, вытирая рукавом вспотевшее лицо. Хватаясь за борт на ухабах, Егор разглядывал улицы города. Вот и Чита стала прифронтовой. Среди прохожих много военных и раненых. Последних можно отличить по белым повязкам и костылям. Вспомнился разговор в поезде со знакомым железнодорожником, который когда-то работал с братом Антоном.

Нещадно дымя самокруткой из махорки, тот рассказывал, что по Забайкальской железной дороге ходят бронепоезда с зенитными установками. А на сопке Батарейной, что возвышается над излучиной Ингоды, стоят зенитки.

– Вот ты мне скажи, паря, фашиста победили, така силища перла на нас, а мы сдюжили. Так неужто теперь самураи на нас войной пойдут и будут на нашей земле хозяйничать, как в Гражданскую? Батя мой в двадцать втором их до Спасска гнал. И метлу они им позади последнего вагона привязали, чтобы след их поганый навсегда замести. Поизгалялись они тогда над нами вместе с беляками! Неужто снова такое допустят?

– Не допустят, отец! У нас сейчас и техника другая и воевать мы умеем, – успокаивал разошедшегося не на шутку земляка Егор.

Сейчас он глядел на изможденные лица людей, только-только переживших войну. Кж-
дого обожгла она своим горячим дыханием. И с давящим чувством страха думал: «Неужели и
сюда смогут долететь вражеские самолеты и бомбить ставший родным город?»

* * *

Добрались до гостиницы быстро. Алексей сказал, что съездит заправится, а потом заноч-
кует в машине. Мамаеву и Егору дали двухместный номер: шкаф, две кровати, две тумбочки,
плотные шторы, которые нужно было закрывать во время объявления светомаскировки, стол,
накрытый клеенкой в мелкий цветочек, на нем керосиновая лампа. Электричества в городе не
хватало и его в первую очередь подавали на фабрики, железную дорогу, заводы, госпитали.

Егор сел на кровать, стянул сапоги и повел носом от неприятного запаха.

– Слушай, а чего нам в комнате сидеть. У нас же целый день свободный! Смотаемся на
Ингоду, искупаемся, рубахи постираем. Когда еще придется? – весело глядя на недовольное
лицо младшего лейтенанта, предложил Мамаев.

Он кинулся к распахнутому настежь окну и залиvisto свистнул, махая рукой. Заурчав-
шая было полуторка послушно заглохла.

У Егора от предвкушения окунуться в прозрачную воду Ингоды губы невольно растяну-
лись в улыбке. «А капитан-то не такой уж и вредный, как вначале показался», – подумал он,
запрыгивая снова в кузов полуторки и пристраивая рядом вещмешок.

Машина проехала по Петро-Заводской улице, свернула направо, нырнула под железно-
дорожный мост, переехала по мосту через Читинку и, пропетляв по улочкам Малого острова,
застроенным деревянными домами, выехала на покрытый мелкой галькой пустынный берег
Ингоды.

Расположиться решили в тени раскидистого куста черемухи. Не сговариваясь, скинули с
себя пропотевшую одежду и, сверкая незагорелыми ягодицами, бросились в прозрачную, про-
гретую июльским солнцем воду. После купания Егор достал из вещмешка кусок хозяйствен-
ного мыла, выданный ему на дорогу прижимистым старшиной спецшколы. Пока отстиранные
гимнастерки, штаны, портянки, сохли на речной гальке, они занялись собой, смывая пот и
грязь.

– А не слабо, товарищ младший лейтенант, на тот берег наперегонки сплавать? – усме-
хаясь, спросил Лешка.

– А давай! – азартно согласился Егор.

– Вы только поаккуратней, Ингода – река быстрая, баловства не любит, – предостерег
Мамаев.

Он вынул из рюкзака котелок, набрал воды, потом в прибрежном тальнике вырезал две
сучковатые толстые ветки, обстругал их, соорудил рогаины и пристроил котелок на перекла-
дине.

Вскоре прибежали Лешка с Егором и присели у костра.

– Ты где так плавать научился? Я вырос на Нерче, а догнать тебя не смог, – спросил Егор.

– Я на Волге вырос. Она возле Саратова широкая, пароходы, баржи ходят, так мы ее с
пацанами на спор переплывали, – ответил Лешка.

– А как тебя в Забайкалье занесло? – глядя на шуплого голубоглазого водителя, поинте-
ресовался Мамаев, вытаскивая из вещмешка на разостланную плащ-палатку банку тушенки,
пачку чая, буханку хлеба, сгущенку.

– Призвали на срочную в тридцать девятом. Сразу попал в Монголию, на реку Хал-
хин-Гол. После боев с японцами перевели в 36-ю армию, в автомобильный взвод при штабе.
Когда война началась, я столько рапортов о переводе на фронт написал, только начальство не
отпустило. Поколесил я за эти годы по даурской степи. Теперь вот к вашему отделу прикоман-

дировали. – Алексей поглядел на продукты и предложил: – Может, я, товарищ капитан, кашу сварю? У меня пшениный концентрат есть.

– Варгань, сержант, тушенку туда забрось, – согласился Семен и отправил младшего лейтенанта за водой на реку.

Подтягивая на ходу сыроватые кальсоны, Егор умчался к Ингоде. Вернулся, подвесил второй котелок над костром, присел рядом на корточки и положил на импровизированный стол пучок дикого чеснока – мангыра.

– Вот, на взгорке нарвал. Мы тут с братом до войны часто отдыхали.

– Брат-то вернулся? Или еще не демобилизовали? – спросил Мамаев.

– Под Сталинградом в сорок втором погиб, – ответил потухшим голосом Егор.

Каша получилась наваристой, вкусной, и пучок зеленых перьев мангыра пришелся как нельзя кстати. Котелок выскребли до дна, потом пили крепкий, забеленный сгущенкой сладкий чай.

– Эх! Хорошо-то как! – вздохнул всей грудью Мамаев, оглядывая заросшие сосняком берега, сверкающую на солнце рябь воды.

Бросив плащ-накидку на нагретую солнцем гальку, он растянулся на ней и, подложив под голову согнутую руку, спросил:

– А ты кем был до службы, младший лейтенант?

– До четырнадцати лет жил с мамой и дедом в Зюльзе. Есть такое село на берегу Нерчи. Отца не помню. Партизанил он в Гражданскую войну. В Нерчинске его белые в плен взяли, когда из разведки в отряд возвращался. Пытали сильно. Если бы не «Золотая сотня» Макара Якимова, налетевшая тогда на их контрразведку, не было бы меня. После войны батя долго болел. Маленьким я без него остался.

– Отряд Красной армии, а назывался «Золотой сотней». Чудно, – удивился Лешка.

– Рабочие старательских артелей Балея золото добывали, вот и прозвали их партизанский отряд «Золотой сотней». Потом к ним бедные казаки примкнули с окрестных сел. Летучий отряд Якимова до Волочаевки гнал нечисть, которая в Гражданскую народ грабила, – ответил Мамаев и продолжил расспрашивать Егора, прикрывая ладонью глаза от солнца:

– Значит, тебя мать воспитывала одна?

– Нет, с дедом Трофимом. Дед тоже воевал, только в Русско-японскую, в 1-м Нерчинском полку Забайкальского казачьего войска под Мукденом. Не любил он говорить о тех временах. Трофим Игнатьевич промыслом занимался, в тайгу надолго уходил, соболя, белку добывал. Меня рано с собой брать стал, стрелять научил, зверя скрадывать, следы распознавать. А мама учительницей в школе работает. После шестого класса брат Антон забрал к себе в Читу, в ремесленное училище при ПВРЗ определил учиться на токаря. Я до войны в вечерней школе семилетку окончил. В сорок первом мужиков на фронт забрали, а мы у станков встали, снаряды делали, – степенно рассказывал Егор.

– Ты, наверное, и белке в глаз попадаешь? – ухмыляясь, спросил Лешка.

– Так иначе зверьку шкурку испортишь, – недоуменно пожал плечами Егор.

– А как в контрразведку попал? – спросил капитан.

– В армию меня призвали в апреле сорок четвертого, когда исполнилось восемнадцать. Думал, на фронт поеду за брата мстить. А меня как образованного в пехотное училище во Владивосток определили. После окончания учебы зачитали нам на парадном построении приказ о присвоении званий младших лейтенантов. Распределения ждали несколько дней. Думали, всех отправят на Западный фронт, но пришел особист-смершевец и забрал меня и еще четверых ребят с собой. На вокзале погрузились в поезд и через сутки оказались в Хабаровске, в спецшколе при Главном управлении контрразведки. Пока учился, отгремела война. По окончании школы весь курс оставили в Хабаровске, а меня направили по месту жительства, в Читу.

– Что ж ты не сказал, что у тебя в городе родня? Я бы отпустил их поведать, – укорил Семен.

– Некого поведывать. Анна замуж вышла, а детей у брата не было.

– Осуждаешь ее? – хмуро глянул на него Алексей.

– Нет. Не хочу напоминать невестке о нашей семье. – Егор выкинул стебелек тысячелистника, который крутил все это время в пальцах, и, как Мамаев, растянулся на горячей гальке.

Лешка вытащил из кармана кисет и аккуратно нарезанные листочки газеты, насыпал в один из них махорки, провел языком по бумаге и склеил самокрутку. Выхватив пальцами уголек из костерка, прикурил, выпустил струйку горького дыма и задумчиво проговорил:

– А нас трое у матери было, когда отец из дома ушел и на другой женился. Он у меня инженер, автохозяйством заведует. А мама работает художником-оформителем в городском драматическом театре. Я как ушел в армию весной тридцать девятого, так и не был ни разу в Саратове. Считаю, шесть лет. Сейчас у нас там хорошо, вишня, сливы поспели, скоро из Астрахани арбузы привезут. У нас с пацанами игра такая была – один из ребят, зажав в руке пятак, делал вид, что выбирает самый спелый арбуз, и забирался наверх развала, а потом со всей силы толкал ногой. Вся гора раскатывалась в разные стороны. Пока хозяин с криком собирал арбузы, пацаны выскакивали из засады, хватали самый большой и бежали кто куда.

– Ты, видно, Леша, еще с детства ухарем был? – засмеялся Семен.

– Это точно, – усмехнулся тот. – Я у родителей старший и самый непутевый. Всего четыре класса окончил. Мы с пацанами все лето на реке пропадали. Матушка, когда узнала, что мы под баржи на спор ныряем, к отцу в Энгельс отправила.

– Отец тебе, наверное, быстро мозги ремешком вправил?

– Нет, он другую воспитательную меру нашел – в аэроклуб меня определил.

– Ты скажи еще, хвастун, что летать умеешь, – засмеялся Егор.

– Умеет он летать на У-2, младший лейтенант, в оборонно-спортивном обществе занимался, я его документы видел, – вмешался в разговор Мамаев. – Только я, Леша, не пойму, почему ты на летчика не пошел дальше учиться?

– Мне машины больше нравятся. У меня к тому времени был друг – Борька Вайнер, немец. Мы с ним из гаражей не вылезали. Перед армией я мог любой автомобиль разобрать, найти поломку и собрать заново. Когда призывали, я в автовзвод попросился^[37].

– Ты дружил с немцем? – удивился Егор.

– Дружил, – пожал плечами Лешка. – Он такой же парень, как ты и я. Отец писал, что в сорок первом все немецкие семьи из Поволжья депортировали как пятую колону. Кого на Алтай, кого в Казахстан.

– Пора собираться, – взглянув на часы, поднялся с плащ-накидки Мамаев. – Пока доберемся, стемнеет.

Госпиталь

Полуторка въехала во двор госпиталя пограничных войск^[38], огороженный деревянным забором, и притормозила у крыльца. Мамаев наказал Егору ждать его в кузове, а сам скрылся за углом. От нечего делать Егор рассматривал двор. Возле дверей зарытого в землю овощехранилища коренастый мужик в выцветшей военной форме сгружал с телеги мешки с картошкой. У входа в здание стояла подвода с бочкой. В нее были запряжены белые грациозные лошади, видно, мобилизовали цирковых для нужд военного времени. Выздоровливающие солдаты носили воду из емкости внутрь помещения. Между деревьями госпитального парка ветер трепал развешанные на веревках отстиранные бинты. По двору кружил запах дыма и пшенной каши. Вдоль длинного забора лежала поленица дров. Дальше по фасаду здания была распах-

нута еще одна дверь. Рядом с ней стоял «студебекер» с кузовом-кунгом. Худенькая девушка в белом халате, с черными, уложенными короной косами, звонким голосом командовала погрузкой в машину ящиков и коробок.

Вскоре появился капитан в сопровождении женщины лет тридцати, одетой в белый халат. Ее черные, чуть раскосые глаза и слегка скуластое лицо говорили о примеси азиатской крови.

Она за что-то строго отчитывала Мамаева, а тот виновато кивал.

– Младший лейтенант, следуйте за нами, а вы, сержант, пока оставайтесь в машине, – приказала незнакомка.

Егор вопросительно взглянул на капитана, тот пожал плечами и пошел за врачом. Младший лейтенант выпрыгнул из кузова и отправился следом за ними. Они вошли в здание через хозяйственный блок, прошли по узкому коридору, в котором, как на скошенной луговине, пахло сухими травами.

– Вы сено для матрасов используете? – удивленно спросил Егор.

– Это аптечное отделение. Июль – пора заготовки лекарственных трав. Вы думаете, младший лейтенант, что солдат на ноги только добрым словом ставят? Лекарств не хватает, а целебные отвары и настои – хорошая им замена, – пояснила незнакомка.

Они свернули в главный корпус, и аромат разнотравья сменился на стойкий запах карболки, йода и застарелых ран. Остановились возле кабинета с надписью «Процедурная».

– Вначале поставите прививку вы, товарищ капитан, затем ваш подчиненный. Потом отправите сюда водителя, – скомандовала врач.

– А может... – заикнулся было Мамаев.

– Мы все с вами обсудили! – перебила она. – Вы обязаны подчиниться моему приказу, хотя мы и равные по званию. – Мы едем в особо опасный район, поэтому саботировать приказы командующего фронтом я вам не позволю.

Сердито нахмурившись, Мамаев дернул ручку и скрылся за дверью кабинета.

Когда все процедуры были завершены и они дымили папиросами у полуторки, капитан сердито сказал:

– Вот с этой язвой нам придется отмотать не одну сотню километров.

– А кто это? – поинтересовался младший лейтенант.

– Начальник санитарно-эпидемического отряда капитан Черных Анастасия Викторовна, врач-эпидемиолог.

Кивнув в сторону фургона, Егор спросил:

– Это они грузятся?

– Они. С капитаном в отряде еще один врач и фельдшер.

Когда погрузка фургона была завершена, к сидевшему на подножке полуторки Лешке подошел молодой невысокий бурят в солдатской форме и, весело улыбаясь узкими черными глазами, сказал:

– Однако знакомиться будем? Меня Баир зовут. – Сержант пожал протянутую руку и шепотом посоветовал: – Ты сначала командирам представься, как положено по уставу, да громче говори, капитан немного глуховат после контузии.

Баир, печатая шаг, подошел к офицерам со спины и выкрикнул что есть силы:

– Рядовой Цыренов явился в ваше распоряжение!

От неожиданности Мамаев выронил недокуренную папиросу, а Егор закашлялся, захлебнувшись дымом.

– Это черт из табакерки является, рядовой Цыренов! – разглядывая скуластую, с бронзовым загаром физиономию солдата, зло произнес Семен. – Ты что орешь, как будто тебя петух жареный клонул?

– Так сержант сказал, что вы контужены и оттого глуховаты, – виновато произнес Цыренов, преданно глядя ему в глаза.

Веселые смешки за спиной заставили побуреть щеки капитана. Он резко повернулся, две девушки в военной форме и военврач торопливо погасили улыбки на лицах. Брюнетку с большими карими глазами и звонким голосом, руководившую погрузкой ящиков в фургон, он уже видел. Вторая была синеглазой, с россыпью веснушек на курносом лице и пушистой рыжей косой.

– Капитан, представьте подчиненных и доложите о готовности отряда, – сделав над собой усилие, чтобы заглушить гнев, строго приказал Мамаев.

– Санитарно-эпидемический отряд в составе врача-эпидемиолога капитана медицинской службы Черных, врача-эпидемиолога лейтенанта медицинской службы Котовой, санитарного фельдшера-лаборанта Синициной завершили комплектацию войсковой медицинской лаборатории и готовы к выполнению задания, – вытянувшись по струнке, доложила военврач.

«Вот так вот! Перед тобой капитан контрразведки, а не какой-то безусый солдатик, а то раскричалась...» – усмехнулся Егор.

– Грузитесь по машинам! – запрыгнув на сиденье полуторки, приказал Мамаев.

– Нам необходимо заехать к начальнику эпидемического отдела Евгению Дмитриевичу Петряеву, – напомнила ему Черных.

– Заедем, – буркнул Мамаев и громко хлопнул дверью.

Глава 6

Эшелоны идут на восток

В мае 1945 года мир ликовал. Волны радости выплескивались за пределы армий – во все уголки нашей страны шли на разных языках письма к родным и близким. Воины писали: «Мы победили, конец войне!» Весь народ видел свое завтра мирным, радостным, цветущим, как бушевавшая вокруг весна. 23 июня 1945 года Верховным Советом СССР был принят Закон о демобилизации первой очереди военнослужащих сержантского и рядового состава старших возрастов. Эшелоны с солдатами возвращались домой. Поезда были украшены цветами, транспарантами. Ждали их на всех станциях и полустанках, в малых и больших городах. Родина радовалась возвращению своих сыновей, победивших в столь страшной войне. Она встречала их торжественно, всем народом.

Но с запада на восток уже шли другие эшелоны с танками, орудиями, самолетами, автомашинами, полевыми кухнями, понтонами и ремонтными летучками на платформах. Грандиозная переброска войск проходила в условиях строжайшей секретности. Солдаты, мечтавшие о доме, счастливые от того, что возвращаются к родным живыми, понимали, что прежде, чем окажутся дома, предстоит перешагнуть еще через одну войну.

Генерал-полковник Морозов

Специальный поезд командующего Забайкальским фронтом останавливался для обслуживания только на крупных станциях. У Родиона Яковлевича Малиновского^[39] был отдельный спецвагон с купе и большим залом для совещаний. Вместе с ним следовало полевое управление бывшего 2-го Украинского фронта.

Раздвинув штору, маршал смотрел в окно. На импровизированном прилавке лежали молодая картошка, огурцы, мешочки с махоркой, стояли бутылки с молоком – местные женщины и ребятишки торопились поменять продукты на мыло и трофейные вещи. Поезд тронулся, и башенки вокзала с перроном проплыли мимо, промелькнуло кирпичное закопченное здание депо, избы с огородами, замелькали телефонные столбы. Колеса со стуком снова начали отмерять километры самой длинной в мире дороги – Транссиба.

В дверь вежливо постучали.

– Войдите, – произнес маршал.

– Разрешите, товарищ командующий? – В купе вошел начальник штаба Захаров^[40].

– Матвей Васильевич! Проходите, присаживайтесь, есть что обсудить, – радушно пригласил Родион Яковлевич.

Малиновский знал Захарова давно, еще по учебе в академии. Потом они вместе подготовили и осуществили операцию по разгрому немецко-румынской группировки, прикрывавшей Балканское направление, освобождали Молдавию. Сталин предлагал назначить Захарова на должность начальника штаба Главного командования советских войск на Дальнем Востоке, но тот отказался и попросил оставить его начальником штаба Забайкальского фронта.

Гость прошел в купе и сел на диван. Пружины обиженно скрипнули – штабная работа давала о себе знать.

– Чайку попьем?

– С удовольствием, – охотно согласился Захаров.

Малиновский, выглянув за дверь купе, приказал ординарцу принести чай и что-нибудь перекусить. Вернувшись на диван, маршал развернул на столике карту предстоящих боевых действий и, вооружившись карандашом, начал делиться своими мыслями:

– Я вот тут подумал: при неблагоприятном исходе войны в Маньчжурии Квантунская группировка^[41] будет уползать из северной и западной части района боевых действий в Корею или Китай, затягивать оборону, получая дополнительные резервы из метрополии и Кореи. Непросто нам будет ее разбить.

– Японию вообще нельзя считать слабым противником, – согласился с ним начальник штаба. – Двадцать второго июня этого года Соединенные Штаты завершили битву за Окинаву – небольшой японский остров, размером чуть более тысячи квадратных километров. Им пришлось напрячь все силы и средства для того, чтобы сломить отчаянное сопротивление японцев. Численность американской группировки была четыреста пятьдесят тысяч человек. Сражение стало самым кровопролитным для них на всем Тихоокеанском театре военных действий. Наша разведка сообщила, что Штаты потеряли за три месяца боев более семидесяти пяти тысяч человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Более десяти тысяч американских военных демобилизовали из-за нервных срывов, – сказал Захаров.

– Как вы сказали? Десять тысяч демобилизовались из-за нервных срывов? Не слышал я ни у немцев, ни у нас, чтобы солдаты по такой причине покидали армию, – усмехнулся Малиновский. – Не зря союзники так засуетились, уговаривая нас открыть второй фронт.

– Японцы показали им, что за метрополию они будут драться до последнего солдата, и эта битва не будет для них такой легкой прогулкой, как в Европе. Не похоже, что и на материке Япония собирается сдаваться. В Северо-Восточном Китае они провели тотальную мобилизацию всех японцев, что позволило сформировать новые части и подразделений для Квантунской группировки. На оккупированных территориях Кореи и Китая увеличилась численность войск марионеточных правительств. В первые полтора-два месяца наступления наш фронт может встретить до восемнадцати японских дивизий, шесть-семь дивизий Маньчжоу-Го, войска князя Дэ Вана и Суйюаньской армейской группы. Плюс танки, артиллерия, самолеты, и угроза со стороны укрепленных районов, – серьезно глянул на маршала Захаров из-под широких бровей.

– Добавьте еще, что они прячутся в очень удобном месте на Маньчжурской равнине, за естественным барьером Большого Хингана, – сказал маршал.

– Большой Хинган действительно еще никто не покорял. Нашему фронту предстоит действовать в очень непростых условиях, Родион Яковлевич.

– Непобедимый Суворов смог провести свои войска через Альпы, а чем мы хуже? – усмехнувшись, спросил Малиновский. – Генеральный штаб считает, что главный удар Забайкальского фронта со стороны Монголии и есть ключ к решению основных задач всей операции. С запада они нас точно не ждут.

– Мы не хуже, но перед войсками Суворова не стояла задача пересечь перед этим безводную пустыню. – Захаров обвел карандашом обширные желтые пятна на карте. – Китайцы зовут Гоби «Шамо», что означает «Пустыня Смерти». Там сплошные пески и солончаки, в этой местности нет железных и шоссейных дорог, нет населенных пунктов, почти нет водоемов и колодцев, а перевалы через Большой Хинган закрывает Халун-Аршанский укрепрайон.

– Поэтому и надо быстро преодолеть эти преграды, чтобы не изматывать людей. Другого выхода у нас с вами нет, Матвей Васильевич. Задержка наступления чревата очередной затяжной войной. Страна ослаблена после войны с Германией и допустить этого нельзя.

Разговор прервал стук в дверь. Молодой солдат в чистой, выутюженной форме внес на подносе чайник, сахарницу, чашки и тарелку с бутербродами. Расставив все на столике, боец вышел. Малиновский налил крепкого чая в две чашки, одну из них пододвинув Захарову.

– А я ведь, Матвей Васильевич, побывал в Маньчжурии еще девятнадцать лет тому назад, в тысяча девятьсот шестнадцатом году, – произнес маршал, сделав глоток чая.

– Сколько же вам было тогда лет?

– Только-только восемнадцать годков исполнилось. К тому времени я уже был наводчиком пулемета и имел боевую награду – Георгиевский крест четвертой степени.

– Вы воевали в Первую мировую? Что же вас занесло в Китай? – бросив в чашку сахар и помешивая его ложкой, полюбопытствовал Захаров.

– После ранения в боях с германцами я был откомандирован в пулеметную команду Особого пехотного полка Первой бригады Русского экспедиционного корпуса во Францию. Круглой дорогой нас отправили через всю Сибирь до Маньчжурии, потом до Дайрена, а оттуда морским путем в Европу. Ехали мы зимой, в теплушках. Железную печку натапливали докрасна, но это не помогало – сибирские морозы трещали вовсю и по вагонам гуляли сквозняки. Дальше было еще хуже. На станции Маньчжурия японцы подали свои составы, так как колея была другая.

– Пойдите! Маньчжурия в шестнадцатом году была китайским городком. При чем здесь японцы? – удивился Захаров.

– После поражения России в войне тысяча девятьсот пятого года южная ветка КВЖД отошла к Японии как стране-победительнице и стала носить название «Южно-Маньчжурская железная дорога».

– В той войне поражение получило бездарное командование царской армии, русские воины свою честь тогда не уронили, – хмуро заметил Захаров.

– Это так. Но в Первой мировой войне японцы были на стороне России и ее союзников, поэтому нас и везли окружным путем через Дайрен. Перегрузились мы в их вагоны, а там печек не было вовсе, вместо полок застланный тонкими циновками пол. Мы сбивались в кучу, как овцы в отаре, чтобы хоть как-то согреться. Спасало одно – когда эшелон останавливался на какой-нибудь станции, вдоль всего состава уже горели большие костры из старых шпал, мы выскакивали из вагонов греться у огня, вытанцовывая, как ведьмы на шабаше. – При воспоминаниях о молодости глаза Малиновского весело заблестели.

– Ваш экспедиционный корпус тогда спас Париж, – сказал Захаров.

– Русские воины нигде не роняли своей чести, Матвей Васильевич. – Во Франции мы сражались отважно. Когда дрогнули французы, русские полки стояли насмерть. Маршал Фош потом написал: «Если Франция и не была стерта с карты Европы немцами, то в первую очередь благодаря мужеству и стойкости русских солдат». – Малиновский вынул из портсигара папиросу, чиркнул зажигалкой и, щурясь от дыма, весело усмехнувшись, добавил: – В Первую бригаду экспедиционного корпуса под командованием генерала Лохвицкого отбирали рослых бывалых солдат, преимущественно православного вероисповедания. Командиры бригад утверждались на самом высоком уровне, распоряжением царя. Французским женщинам очень нравились храбрые русские богатыри. В дряхлевшую французскую нацию мы влили немало свежей крови.

* * *

– На вокзал, – коротко бросил водителю командующий Забайкальским фронтом Ковалев^[42], садясь на заднее сиденье автомобиля. Рядом с ним устроился начальника штаба Троценко.

– Из Москвы позвонили по телефону, что четвертого июля в Читу прибывает полевое управление 2-го Украинского фронта. Мне приказано передать командование Забайкальским фронтом Морозову. Сегодня приезжает этот неизвестный генерал-полковник. Я четыре года ждал дня наступления, а теперь стал заместителем! – с досадой произнес Ковалев, хмуро глядя на Троценко^[43].

– Ставка кого попало на такой ответственный пост не поставила бы, Михаил Прокофьевич, – возразил генерал-лейтенант. – Нам остается только подчиниться приказу.

– Ты прав, Ефим Григорьевич. С начальством необходимо срабатываться, а иначе нас заменят другие генералы.

Когда спецпоезд остановился, встречающие с удивлением увидели, что из вагона вышел Маршал Советского Союза Малиновский в форме генерал-полковника.

Родион Яковлевич смотрел на Ковалева, сощурился и без того узкие глаза. В тридцатые годы комкор Ковалев командовал Особым Белорусским военным округом, а Малиновский служил под его началом. Потом он уехал воевать в Испанию, и они не виделись почти девять лет. Годы войны не пощадили его бывшего командира. Еще глубже стали залысины над высоким лбом, побелели волосы, только щетка усов по-прежнему чернела под прямым коротким носом.

– Меня не понизили в звании. Нам рекомендовано всячески соблюдать скрытность пребывания на Дальний Восток. В этих целях я пока побуду генерал-полковником Морозовым, – негромко произнес маршал, крепко пожимая руку Ковалеву.

– Даже не предупредил, – упрекнул Михаил Прокофьевич.

– Не мог, – коротко ответил Малиновский.

– Попили нам крови самураи, сам хотел с ними разобраться, – с горечью произнес Ковалев.

– Значит, теперь посчитаемся с ними вместе. Благодаря вам японцы не посмели открыть второй фронт. Вы должны гордиться забайкальскими дивизиями, Михаил Прокофьевич. Они отлично сражались под Москвой и Сталинградом.

Адъютант распахнул дверцу, и Малиновский грузно опустился на сиденье рядом с шофером.

– На квартиру? – спросил Ковалев.

– Нет, в штаб. В поезде отдохнул, не терпится приступить к работе.

Комплекс зданий штаба Забайкальского фронта занимал целый квартал на улице Лермонтова, напротив площади Ленина. Увенчанная гербом СССР постройка имела массивный портал с квадратными колоннами. Проходя по коридорам, Малиновский отметил про себя, что здесь царит та же обстановка, что бывала в период боев по освобождению Румынии, Венгрии, Чехословакии. Даже люди здесь были те же – полевое управление 2-го Украинского фронта, возглавившее Забайкальский фронт, уже прибыло в Читу.

Малиновский прошелся по кабинету, осваиваясь на новом месте. Остановился возле большой во всю стену оперативной карты Забайкалья и Дальнего Востока. Окинул взглядом фронт, предстоящих боевых действий. Он начинался от монгольской пустыни Гоби и тянулся до подковки Курильских островов.

– Да, крепенько они обложили нас. Никакого просвета.

– Семнадцать укрепрайонов возвели вдоль нашей границы. Строили при участии немецких специалистов. На некоторых участках японские пушки стоят в нескольких километрах от Транссиба, – подтвердил Ковалев.

– В Генштабе моряков тоже много чего рассказали о своих муках. Все проливы в руках японцев. Южный Сахалин закрыт, Курилы закрыты, пробирались в свои же порты кружным путем. Да и творили японцы на море что хотели, нашу «Колу», «Ильмень», «Ангарстрой» потопили. Называемся тихоокеанской державой, а в Тихий океан можем выйти только с японского позволения.

Малиновский отошел от карты и устроился в кожаном кресле во главе стола, жестом пригласил садиться присутствующих офицеров.

– Как себя ведут японцы на границе после капитуляции Германии? – поинтересовался маршал.

– Наши границы всю войну лихорадило, сейчас немного притихли, – хмуро ответил Ковалев, трогая пальцем черную щетку усов.

– В Москве нам рассказывали, что принц Коноэ к нам в гости просился. Обещал даже поделиться цветными металлами, – весело сообщил член Военного совета, генерал-лейтенант Тевченков.

– Они бы, Александр Николаевич, такими добрыми в сорок первом или в сорок втором были, – усмехнулся Малиновский.

– Япония еще сильна. На метрополию нога противника не ступала. Военная промышленность Маньчжоу-Го и Кореи работает стабильно, их не бомбят, и у них там несколько миллионов человек почти бесплатной рабочей силы. Индонезия, Бирма, Малайя, Филиппины, огромная часть Китая до сих пор находится под оккупацией империи, – заметил Тевченков.

– Перед союзниками самурай не капитулирует, – покачал головой Ковалев. – Вы слышали, что их министр иностранных дел Хатира Арита обосновал общество двадцатилетней войны под лозунгом: «Японский дух выше немецкого!» Вот сколько лет они собираются воевать.

– Выходит, Вторую мировую войну придется гасить нам. – Малиновский помолчал, отделяя общий разговор от конкретного, потом, строго глянув на Ковалева, спросил: – В заданные сроки уложимся? В Генштабе нас очень торопят.

Михаил Прокофьевич понимал, что спрашивал уже не собеседник, а новый командующий, и надо было точно доложить о подготовке Восточной кампании.

Надев очки, Ковалев заговорил спокойно, неторопливо, его скупые слова звучали внушительно. Количество войск в Забайкалье почти удвоилось. Через Читу ежедневно проходили тысячи вагонов. Много груза шло войскам в Монголию. Иногда проходило по два эшелона в час. Принять такое количество ни одна станция была не в состоянии. Приходилось разгружать эшелоны на линии Чита – Карымское, Карымское – Борзя, а оттуда дивизии уходили своим ходом в монгольские степи, преодолевая по пятьсот-шестьсот километров труднейшего пути.

Малиновский слушал внимательно. Ему нравится доклад своего нового зама – без лишних слов, все к месту, все исчерпывающе ясно.

Ставка Главного командования

В начале июня в штаб Забайкальского фронта пришло шифрованное распоряжение из Москвы определить место для Ставки Главного командования советскими войсками на Дальнем Востоке. Выбор пал на отделенный от города сплошной стеной леса и хребтом Черского санаторий «Молоковка». Приезд в санаторий множества генералов для жителей и японской агентуры было обычным явлением – они считали, что офицеры ездили туда отдохнуть, расслабиться. Поправлявших здоровье с помощью радоновых вод и грязелечения раненых спешно эвакуировали. Молоковку обеспечили защищенной правительственной и устойчивой военной связью.

* * *

Пятого июля, в семь часов утра, на перроне читинского вокзала стояли генералы в белых кителях, застегнутых на все пуговицы. Офицеры Забайкальского фронта ждали прибытие еще одного специального поезда. Накануне в штаб пришла шифровка, что прибывает оперативная группа из Генерального штаба во главе с генерал-полковником Васильевым.

После остановки поезда привокзальную площадь заполнили офицеры с большими звездами на погонах. Генерал-полковник Ковалев подошел для доклада и замер с поднятой к головному убору рукой – перед ним стоял маршал Василевский^[44] в форме генерал-полковника.

– Докладывайте, Михаил Прокофьевич. Я заместитель наркома обороны Васильев. Так нужно, – негромко сказал Александр Михайлович.

В целях конспирации автомашины поехали с вокзала в Молоковку небольшими группами, через некоторые разрывы по времени, чтобы не привлекать внимания жителей, а главное – агентуры японской разведки. Три закрытых эмки с Василевским и сопровождавшими его офицерами поднялись по Петро-Заводской улице, свернули направо под железнодорожный мост и, миновав Малый и Большой остров между реками Читинка и Ингода, направились на юго-восток от города. Дорога втянулась в узкий распадок между лесистых сопок. Километров через четырнадцать показалась арка с надписью: «Санаторий Молоковка». Деревянные одноэтажные спальные корпуса стояли на склоне горы среди высоких вековых сосен с пышными кронами. Внизу, между сопок блестела речка Молоковка.

Автоколонну встречал начальник Читинского военного гарнизона Рожнов с группой офицеров. Василевский первым выбрался из машины и пожал руку генералу, а затем полковникам, майорам и стоявшему возле машины солдату. Все переглянулись, а Малиновский неприменно улыбнулся: он знал, что маршал Василевский при встрече здоровается за руку со всеми, кто оказался рядом, и это было не показным, а естественным для Александра Михайловича с его уважительным отношением к людям.

Утро стояло тихое, прозрачное, напоенное смолистым духом хвои.

– Да у вас тут не хуже, чем на Кавказе, – одобрительно оглядел таежный уголок Василевский.

– Курорт находится на месте жерла древнего вулкана, и вода одного из минеральных источников насыщена радоном. Люди приезжают сюда на костылях, а то и вовсе их привозят на носилках, а уходят они на своих ногах. Есть и другой источник, его вода полезна для желудка, можете попробовать. – Начальник санатория указал на бутылки, стоявшие на столе.

Генерал-полковник Виноградов взял одну из них, налил в стакан пузырящейся воды и, сделав несколько глотков, одобрительно произнес:

– Хороша! Спасибо товарищи офицеры, уважили! Будем выполнять задание Ставки и заодно подлечимся.

* * *

Василевский прежде всего отправил донесение Верховному Главнокомандующему Сталину о прибытии на Дальний Восток:

«Срочно! Совершенно секретно!

5 июля 1945 г.

04 ч. 50 мин.

Докладываю: в 1.00 (по московскому времени) 5.07 прибыл в город Чита и с сегодняшнего дня приступаю к исполнению возложенных на меня обязанностей. Тов. Морозов прибыл 4.07 и приступил к приему дел от Ковалева.

Васильев»^[45].

В переговорах и совещаниях прошел весь день. Василевский вручил Малиновскому директиву Сталина на предстоящую операцию. Незамедлительно был сформирован штаб. В него вошли генералы и офицеры, прибывшие вместе с командующим Дальневосточным фронтом, а также группа офицеров Генштаба, работавшая на Дальнем Востоке под руководством генерал-майора Мензелинцев.

Чтобы решать оперативно вопросы на месте, с Главком прибыло пятьдесят восемь офицеров командного состава всех родов войск и ответственных представителей от всех центральных управлений, отвечающих за материально-техническое обеспечение.

После обеда и краткого отдыха Василевский приказал собраться старшим офицерам в Доме культуры.

Такого количества маршалов и генералов этот маленький зал никогда не видел, да и впредь не увидит.

В зал вошли и устроились на первых рядах командующий ВВС Красной армии маршал авиации Александр Александрович Новиков, заместитель командующего артиллерией Красной армии маршал артиллерии Михаил Николаевич Чистяков, начальник штаба Главного командования советских войск на Дальнем Востоке генерал-полковник Семен Павлович Иванов, первый заместитель Главного управления связи Красной армии генерал-полковник Николай Демьянович Псурцев, член Военного Совета генерал-полковник Иосиф Васильевич Шикин, возглавляющий Оперативную группу тыла генерал-полковник Василий Иванович Виноградов, возглавляющий Инженерную службу Главного командования генерал-полковник Константин Степанович Назаров, командующий Забайкальским фронтом Маршал Советского Союза Радион Яковлевич Малиновский, командующий 1-м Дальневосточным фронтом Маршал Советского Союза Кирилл Афанасьевич Мерецков, командующий 2-м Дальневосточным фронтом генерал армии Максим Алексеевич Пуркаев, координатор органов Смерш Забайкальского и Дальневосточных фронтов генерал-лейтенант Исай Яковлевич Бабич и ответственные работники штаба Главного командования советских войск на Дальнем Востоке.

Оглядев заполненный военачальниками зал, Главнокомандующий подошел к висевшей на стене карте и начал говорить спокойным, размеренным голосом:

– Товарищи офицеры, план Маньчжурской стратегической наступательной операции готов и утвержден Ставкой и Главным комитетом обороны. Решением Ставки Верховного Главнокомандования, лично товарищем Сталиным, войска объединены в три фронта: Забайкальский, 1-й Дальневосточный, 2-й Дальневосточный.

С правительством Монгольской Народной Республики достигнута договоренность о том, что главный удар будет нанесен с ее территории силами трех общевойсковых, одной танковой армий, одной воздушной и советско-монгольской конно-механизированной группой Забайкальского фронта.

Одновременно будет нанесен встречный удар из Приморья тремя общевойсковыми армиями и механизированным корпусом 1-го Дальневосточного фронта.

Вспомогательные удары будут нанесены с севера-востока Маньчжурии силами 2-го Дальневосточного фронта, Амурской Краснознаменной флотилией и 36-й армией Забайкальского фронта^[46].

Цель этих ударов состоит в том, чтобы расчленив войска Квантунской армии, изолировать их в Центральной и Южной Маньчжурии и по частям уничтожить. Войска Забайкальского фронта должны организовать совместные боевые действия с 8-й Народной Китайской армией в районе Шэньяня и Чанчуня. – указка в руке Главнокомандующего отмечала на карте названные города.

Соединившись в районе Чанчунь – Гирин, советские войска резко изменят направление действий и разовьют стремительное наступление на Ляодунский полуостров и Корею.

После начала операции одновременно спланирована высадка десантов на Южном Сахалине и Курильских островах. Здесь подключается Тихоокеанский флот и Северная Тихоокеанская военная флотилия.

Общая протяженность фронтов по сухопутной и морской границе пять тысяч сто тридцать километров. – Указка нарисовала линию от Эрдэни-Сомон в Монголии до самого северного острова Курильской гряды – Шумшу. – Напомню, что в январе сорок пятого длина всех

европейских фронтов – советско-германского, западного и итальянского не превышала трех с половиной тысяч километров.

Малиновский буквально впился в карту, внимательно следя за указкой. Красные стрелы ударов с запада, севера, востока пропарывали карту Маньчжурии и вонзались в ее города. Масштабность предстоящих военных действий поражала воображение. На Дальнем Востоке была сосредоточена громадная военная машина – три фронта, морской флот, речная и морская флотилии, воздушные и танковые армии. Он понимал, чтобы эта машина сработала без сбоев, на полную мощность, каждая ее часть должна быть отлажена, как часы.

В зале висела напряженная тишина. Маршал Василевский прошелся по комнате от стола к окну, от окна к двери, затем вернулся к карте.

– Даже на советско-германском фронте не было ничего подобного. Нам предстоит разбить войска четырех японских фронтов и одной отдельной армии, а также армию Маньчжоу-Го, войска правителя Внутренней Монголии Дэ Вана и Суйюаньскую армейскую группу. Учитывайте, что японская дивизия приблизительно равна нашему стрелковому корпусу и составляет двадцать одну тысячу штыков.

Формирование нашей группировки началось еще в условиях войны с Германией. Она составляет более полутора миллионов человек. Но суть не в одной численности. Важным условием быстрого прорыва японских пограничных укреплений и стремительного наступления советских войск в глубь Маньчжурии будет наше значительное превосходство противника в боевой технике.

Василевский подошел к посменному, столу слегка сутулясь, сел на стул. Когда он заговорил вновь, в его голосе появились строгие командирские нотки:

– Нынешняя война против Японии будет иметь глубокие последствия. Мы не только выполним взятые на Ялтинской конференции обязательства перед союзниками, сохраним существующее положение Монгольской Народной Республики и поможем поработенным народам Азии, но и вернем Южный Сахалин, Курильские острова и упрочим тем самым свои границы и безопасность на всем Дальнем Востоке.

Недооценивать врага нельзя. Квантунская армия – это отборные, самые преданные императору и наиболее боеспособные войска. Приказываю после выгрузки и марша частей в районы сосредоточения провести общевойсковые учения, близкие к боевым задачам, которые им предстоит решать. Нацелить партийную работу на изучение военно-политического положения Японии, структуру японских войск, их тактику, традиции и обычаи. Необходимо широко привлекать служивших длительное время в Забайкалье и на Дальнем Востоке воинов, чтобы они помогли прибывшим с Западного фронта солдатам быстро овладеть боевыми приемами на новом театре военных действий.

И, самое главное, о чем мне сказал товарищ Сталин: предупредите всех командиров любого ранга, что они лично отвечают за жизнь каждого солдата. Помните, что эти солдаты разгромили Германию, освободили Европу и считали, что война для них закончилась. Гибель победителя германского фашизма будет великой трагедией для семьи. Ни в коем случае не допускайте необдуманных действий.

– Родион Яковлевич, – обратился он к Малиновскому после совещания, – вам следует вылететь в Улан-Батор, договориться с монгольскими друзьями о деталях боевых действий и о размещении штаба фронта в районе Тамцак-Булак.

Монгольская Народная Республика

Шестнадцатого июля с читинского аэродрома поднялся самолет, развернулся над городом и набрал высоту. Малиновский решил нанести визит в Улан-Батор в первую очередь. В сто-

лицу Монголии вместе с ним летел генерал-полковник Плиев^[47]. Малиновский удобно устроился в кресле у столика и, взглянув в окно, заинтересованно спросил:

– Это мы летим над долиной реки Керулен?

– По-монгольски эта река называется Хэрлэн-Гол, – уточнил Исса Александрович.

– Удивительна история этой страны. Меня всегда восхищала ее жизнеспособность... – задумчиво произнес Родион Яковлевич и неожиданно спросил: – Сколько времени Монголия находилась под властью Маньчжурской монархической династии?

– Около двухсот лет, – ответил Плиев. – Во время службы советником в Монголии я с интересом изучал ее историю.

– Поэтому и пал выбор на вас, Исса Александрович, когда решался вопрос о командующем объединенной советско-монгольской конно-механизированной группой. Вашим заместителем по монгольским войскам назначен генерал-лейтенант Лхагвасурэн^[48], а политическое руководство возложено на генерал-лейтенанта Цеденбала^[49]. Это будет первый опыт слияния регулярных войск двух стран под единым командованием. От вас как от командующего многое будет зависеть в укреплении дружбы между нашими и монгольскими бойцами.

– Я не раз встречался с Цеденбалом, он высокообразованный человек и глубоко видит сильные и слабые стороны своей страны. Мне будет приятно снова с ним работать, – ответил Плиев.

– Нам лететь больше часа, а вы большой знаток Восточной Азии, расскажите мне о Японии, что это за страна? – попросил маршал.

– Историки неслучайно называют период революции Мэйдзи чудом по-японски. Революцию в Японии совершила монархия, и буквально за сорок лет страна превратилась из изолированной, отсталой, феодальной в мирового капиталистического лидера. Правительство империи изучило опыт других стран, привлекло к реформам иностранных специалистов и одновременно сумело не попасть в зависимость от иностранного капитала.

– И что же заставило эту процветающую страну стать главным агрессором в Восточной Азии?

– Все очень просто. У власти в Японии встали представители императорской семьи и военные, которым как капиталистам нужны были территории, ресурсы и рынки сбыта. Система образования была направлена на формирование новой идеологии в стране – «милитаризм».

Несмотря на все реформы, Япония осталась языческой страной. По японской легенде богиня Аматаэрасу-о-миками – что означает «Великая священная богиня, властвующая на небе», спустилась с неба верхом на белой лисице и произвела на свет первого императора. Идея священности Небесной семьи императора имела огромное значение для консолидации японцев под лозунгом «божественности» нации. В глазах обычного солдата Япония – родина, живущая по законам предков и благословленная богами Ками на захват мира любой ценой. Целые поколения родились с мыслью, что они дети богов и беспредел в другой стране им дозволен.

«Милитаризм» так же ярко пропагандировал исключительность японцев над остальными народами мира, как это делали нацисты в Германии, только превосходство японцев имело еще и религиозные корни.

Правительству удалось довести патриотизм и жестокость населения до крайности. Идеология «милитаризма» просто расчеловечивала людей другой национальности. Принципы самураев Бусидо диктовали солдатам: никакой пощады побежденному врагу; плен – позор хуже смерти; побежденных врагов следует истребить, чтобы они не отомстили. В армии практикуется принцип «трех дочиста» – «выжигай дочиста», «убивай всех дочиста», «грабь дочиста». Несколько поколений воинов воспитывалось в духе фанатичной преданности императору. Погибшему на войне будет не только слава у потомков, но и место в раю. Результатом

этого стали отряды смертников камикадзе. Молодые юноши, совершая самоубийство – падая в самолетах на военные корабли или кидаясь с минами под танки, подтверждают тем самым чистоту своих устремлений, наличие мужества и чести.

– Худший противник – это фанатик. Судя по вашему рассказу, Исса Александрович, японским империалистам удалось создать хорошо обученную, мотивированную и всесторонне подготовленную армию для завоевания мирового господства, – задумчиво промолвил Малиновский.

– Вы правы, Родион Яковлевич, император Хирохито официально заявил, что задачей империи является установление нового порядка в Восточной Азии.

– На Западе немцы решили создать Новый германский порядок до Урала, на востоке – японцы Азию до Урала. России они не оставили места в этом мире. Причем и те, и те объясняют право на нашу землю исключительностью своей нации. Немцы уже получили должный ответ. Японцы тоже скоро его получают, да так, что никогда не появится желания посягнуть и на пядь русской земли, – сказал сурово Малиновский.

* * *

За разговором они не заметили, как достигли Улан-Батора. На аэродроме самолет встречали Председатель Совета Министров маршал Чойбалсан^[50], Генеральный секретарь ЦК Монгольской народной революционной партии Цеденбал, заместитель командующего объединенной советско-монгольской конно-механизированной группой генерал-лейтенант Лхагвасурэн и другие государственные и военные деятели Монголии.

После приветствий и рукопожатий гостей подвели к группе монгольских генералов и полковников, стоявших чуть поодаль от высшего руководства страны.

– А с вами я уже знаком! Вы учились в Объединенном военном училище, когда я был там инструктором, и были даже моим любимцем, полковник Цырендорж! – воскликнул Плиев, пожимая руку одному из офицеров.

– Теперь ваши ученики командуют дивизиями и бригадами, Исса Александрович, – сказал Лхагвасурэн.

– Я рад этому! – ответил, улыбаясь, генерал.

Они доехали до центра столицы на машинах. Во дворе, обсаженном тополями, стояли большой дом и юрта. Маршал Чойбалсан пояснил:

– По традиции предков мы иногда проводим совещания в юрте. Но вас приглашаем в русский дом. Мы его так называем.

Совещание проходило в небольшом зале. С монгольской стороны присутствовали Чойбалсан, Цеденбал, Лхагвасурэн. С советской стороны Малиновский и Плиев. Все сели за стол, застланный зеленым сукном, перед каждым лежали раскрытый блокнот, карандаши. На стене висела большая топографическая карта.

Маршалу Малиновскому как гостю дали слово первому. Он поднялся со своего места и произнес:

– Позвольте еще раз передать благодарность Советского Правительства и лично Иосифа Виссарионовича Сталина за помощь, оказанную Монгольской Народной Республикой в разгроме фашистской Германии. Вы были нашим самым верным союзником в этой войне. Продовольственная помощь небольшой по численности населения Монголии практически равнялась поставкам продовольствия из США. Сделанная руками монгольских женщин одежда согревала наших бойцов в лютую стужу. Продукты, что вы отправляли на фронт, давали силы выстоять в нелегкой битве. Пятьсот тысяч лошадей безвозмездно поставлено вашей страной в воюющую Красную армию. Благодаря добровольным пожертвованиям монгольского народа были созданы и доблестно сражались против немецких захватчиков 44-я краснознаменная танко-

вая бригада «Революционная Монголия» и эскадрилья истребительной авиации «Монгольский Арат». Мы победили, и теперь нам предстоит погасить последний очаг войны, чтобы на земле навсегда наступил мир.

Председатель Совета Министров Чойбалсан в ответной короткой речи сказал:

– История нашей дружбы уходит в далекий тысяча девятьсот двадцать первый год, когда при поддержке Советской России Монголия обрела независимость. С тех пор мы вместе сражались против внешнего врага. Правительство Монгольской Народной Республики приняло решение выступить на стороне Советского Союза. Только разгром японского милитаризма спасет нашу страну от угрозы военного нападения. В стране объявлена мобилизация, и практически каждый монгольский мужчина трудоспособного возраста призван в армию. Восемьдесят тысяч воинов будет биться вместе с вами. Для безопасности гражданское население было отведено от границы в глубь республики.

Следом за ним выступил Генеральный секретарь ЦК Цеденбал:

– Перед нашими странами стоит еще одна великая задача – помочь народам Китая и Кореи освободиться от японских оккупантов, чтобы они смогли создать суверенные, независимые государства и стали нашими добрыми соседями. В Китае не утихает Гражданская война. Гоминьдан во главе с Чан Кайши ведет войну с Красной армией Мао Цзэдуна. Страна понесла огромные потери. Победа над Японией в громадной степени облегчит задачу коммунистической партии Китая распространить свое влияние сначала на Маньчжурию, а затем и на всю страну. У монголов есть пословица: «У кого друзей много, тот широк, как степь; у кого друзей мало, тот узок, как ладонь».

Завершая вежливый обмен мнениями, маршал Малиновский, откашлявшись и косясь на заточенные карандаши и блокноты, произнес:

– В целях соблюдения секретности предлагаю не вести записей.

Чойбалсан подал знак, и письменные принадлежности со стола убрали.

Подождав, когда в зале останутся только руководители, Малиновский взял со стола указку, подошел к карте и начал говорить:

– План Маньчжурской стратегической операции утвержден товарищем Сталиным. Во взаимодействии с Дальневосточными фронтами нам предстоит освободить Маньчжурию и Ляодунский полуостров. Полоса наступления Забайкальского фронта составляет две тысячи километров, начиная на левом фланге от Староцурухайтуй, заканчивая на правом фланге Эрдэни-Самон. – Маршал провел указкой по карте, отмечая названные места. – В этой операции многое зависит от неожиданности и скорости продвижения войск. Основной удар будет нанесен с вашей территории, с так называемого Тамцакского выступа. Первыми пойдут подразделения 6-й гвардейской танковой армии под командованием генерал-лейтенанта Кравченко^[51]. Они закрепят за собой перевалы Хингана, овладеют районом Туцюань и создадут главную группировку.

– Горы в этом месте непреступные. Удобные перевалы закрывает Халун-Аршанский укрепрайон. Имеющиеся тропы не годятся для прохождения техники, особенно танков. Тропы местами так узки, что встречные путники расходятся с трудом. Скоро наступит сезон ливневых дождей, и дорога станет совершенно непреодолимой. Кроме того, прежде чем добраться до отрогов Большого Хингана, нужно будет пересечь степное плоскогорье с обширными участками раскаленных песков, – внес замечание генерал-лейтенант Лхагвасурэн.

– Мы понимаем, как это будет сложно. Но чтобы не втянуться в затяжную войну, нам надо будет захватить перевалы и открыть доступ нашим войскам к основным силам Квантунской группировки на Маньчжурской равнине. Танки не станут задерживаться возле Халун-Аршанского укрепрайона – чего ждут от нас японцы. Укрепрайон они обойдут, продвинутся вперед, закрепят за собой перевалы и не допустят к ним противника до подхода стрелковых соединений трех общевойсковых армий – 39, 53 и 17-й. Вот они и разберутся с Халун-Аршанским

укрепрайоном, – уверенно сказал маршал. – Помимо главного удара Забайкальскому фронту предстоит действовать на двух разобщенных направлениях на юго-востоке: Калганском и Далонгорском. По согласованию с вами здесь будет действовать конно-механизированная группа под командованием генерал-полковника Плиева^[52]. По решению вашего правительства в состав конно-механизированной группы войдут войска Монгольской Народно-революционной армии^[53]. Задачей группы будет нанесение двух ударов: из района Молчок-Хид в направлении на Долоннор, и из района Эрдэни – Сомон в направлении Сумэ – Панцзян. Отрезав войска князя Дэ Вана Суйюаньской армейской группы, овладев Калганским укрепрайоном, она обеспечит действия фронта с юга.

Генерал-лейтенант Лхагвасурэн хорошо знал место предстоящих военных действий на юге. Подойдя к карте, отмечая указкой города, дороги, хребты и озера, он внес свои замечания:

– На правом крыле вдоль Калганского тракта до Чжанбэя раскинулось степное плоскогорье, вполне доступная для движения войск местность. На линии городов Чжанбэй – Долоннор начинается горный хребет Иншань и предгорья Большого Хингана. Здесь войска встретят те же трудности, что и в направлении главного удара. К югу и юго-востоку от горько-соленых озер Арчаган-Нур и Далай-Нур тянется труднопроходимая сухая безводная пустыня. Через нее пролегают только караванные пути – две параллельные тропы, выбитые копытами верблюдов. В довершение ко всему Калганское направление прикрывают долговременные железобетонные укрепления, воздвигнутые японцами вдоль Великой Китайской стены.

– Из-за недостатка воды снизится боеспособность солдат, могут начаться потери в живой силе, а баргуты и японцы могут отравить колодцы при отступлении, – заметил Чойбалсан.

– Предлагаем выбрасывать далеко вперед перед наступающими войсками подвижные отряды для захвата источников воды. Мысль эта не нова. Во время недавней войны на Западе мы часто использовали подобные отряды в наступлении. Здесь без помощи ваших проводников и разведчиков нам не обойтись, товарищ маршал. – Малиновский вопросительно взглянул на Чойбалсана.

– Проводники будут, а наши разведывательные группы помогут сохранить колодцы, – ответил ему тот.

– Четвертое вспомогательное направление, которое рассматривалось первоначально как главное, – это удары 36-й армии из районов Досатуй – Староцурухайтуй и Даурия – Отпор. Их задача – захватить важнейшие железнодорожные узлы, разгромить Хайларскую группировку и овладеть Чжалайнорским и Хайларским укрепрайонами.

Совещание длилось долго. Уточнили детали совместных действий советских и монгольских войск. С руководителями монгольского государства обсудили все детали, касающиеся использования территории республики для сосредоточения армий. Было принято решение перевести штаб Забайкальского фронта из Читы в Тамцак-Булак.

Япония. 1945 год

Прежде чем выполнять долг перед союзниками, требовалось тщательно соблюсти все дипломатические формальности. Посол Японии в Москве Наотакэ Сато пятого апреля вечером был вызван в Наркомат иностранных дел. Предчувствия не обманули опытного дипломата.

Нарком иностранных дел Молотов без долгих вступлений изложил причины приглашения:

– В соответствии со статьей 3-й упомянутого пакта, предусматривающей право денонсации его за один год до истечения пятилетнего срока действия «Пакта о ненападении», Советское правительство настоящим заявляет правительству Японии о своем желании денонсировать пакт от 13 апреля 1941 года.

Он вручил Сато «Заявление Советского правительства» о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете, – лицо непроницаемого нарком не выдало отношения к сказанному.

– Прошу разъяснить, как дальше будут развиваться отношения наших стран, господин Молотов? – спросил Сато.

– Фактически советско-японские отношения вернутся к тому положению, в котором они находились до заключения пакта, – сухо ответил глава советской дипломатии.

Возразить японский посол ничем не мог – СССР действовал в строгом соответствии с дипломатическими нормами и всеми японо-советскими межгосударственными соглашениями. Внешне ни один мускул не дрогнул на округлом лице посла. Он лишь высказал сожаление по поводу происшедшего и тотчас удалился.

По дороге в посольство Японии Сато оставалось лишь обеспокоенно гадать, что же значат эти слова: «до пакта» – мирное сосуществование или бои, как на Хасане или Халхин-Голе. Он вспомнил, какие страсти кипели в Токио в июне сорок первого года. Особое рвение о немедленном вступлении страны в войну против Советского Союза проявил тогда министр иностранных дел Мацуока. Сато с сожалением подумал о том, что император и правительство не прислушались тогда к призыву министра начать войну с Севера, а потом пойти на Юг. Возобладала осторожность. Наступление до Байкала и дальше отложили на неопределенное время, а Мацуока получил отставку. Сато понимал, что расторжение «Пакта о ненападении» было лишь пробным шагом Советов в направлении войны. Но шаг этот был осознанным и весомым. Много лет его страна поддерживала нестабильность на дальневосточных границах северного соседа, сохраняя в своих руках военную инициативу. Ситуация коренным образом переменялась в один миг. Теперь все зависело от действий Москвы.

Каждый следующий день свидетельствовал об ухудшении внешнеполитической и военной обстановки в Японии. В середине третьей декады мая в штаб Квантунской группировки сухопутных войск^[49] в Чанчуне прибыл с инспекторской поездкой военный министр Японии генерал Анами.

* * *

Заседание Высшего совета по руководству войной прошло в Токио двадцать восьмого мая.

Премьер-министр Судзуки Кантаро, оглядев министров пристальным выжидательным взглядом из-под седых жестких бровей, произнес:

– В связи с создавшейся обстановкой в мире опасность для нашей страны на Севере возросла. Капитуляции Германии, денонсации Советами договора о нейтралитете и интенсивная подготовка русских к войне говорит о том, что Япония должна избежать трудностей на Севере в одиночку. Господа, я хочу услышать ваше мнение о стоящей перед нами задаче по созданию сферы Великой Восточной Азии и сохранению японской нации. Они по-прежнему по плечу нашей Великой Империи? Генерал Анами, когда, по-вашему, может последовать наступление Советов?

– Наступление Советов возможно не ранее второй половины сентября, после окончания периода муссонных дождей в Маньчжурии. Прорыв крупных сил противника вглубь Маньчжурии практически исключен. Дальневосточное командование перебрасывает войска с запада, но при малой пропускной способности Транссиба это связано с большими трудностями^[54]. Нельзя забывать и о неизбежных больших потерях врага при атаках на семнадцать приграничных укрепрайонов, расположенных в самых удобных для продвижения войск местах. Общая их протяженность свыше восьмисот километров^[55]. В случае вторжения в пределы Маньчжу-

рии Советы получают достойный отпор. Для них начнется еще одна затяжная война, – уверенно заявил министр армии Анами.

– Что предложите вы, Умэдзу? – Председатель Высшего совета обратился к начальнику Генерального штаба.

– В настоящее время, господин премьер-министр, численность войск генерала Ямады вместе с резервом насчитывали более одного миллиона человек. Помимо этого в подчинении Квантунской армии находятся войска государства Маньчжоу-Го, князя Дэ Вана во Внутренней Монголии и Суйюаньской армейской группы, дислоцированной в районе Калгана. Также Ямада сообщил, что в случае начала войны с Советским Союзом будут использованы служащие японских формирований, вооруженные отряды японских резервистов-переселенцев, рассредоточенных по всей территории Маньчжурии. Идет завершение формирования двух отрядов из русских белогвардейцев по полторы тысячи человек каждый.

– Особой гордостью командующего Квантунской группировкой стали части спецназначения «камикадзе». Их основная задача – уничтожение командного состава и боевой техники врага. Для обеспечения отрядов «камикадзе» боеприпасами, оружием и продовольствием в тылу, в гористых и таежных местах созданы особые опорные пункты и секретные военные базы. Эти районы труднодоступны, но расположены недалеко от важных железных и шоссейных дорог, ведущих вглубь Маньчжурии и Кореи, – дополнил со своего места доклад Умэдзу генерал Анами:

– У вас есть что добавить, господин Кидо? – обратился Судзуки к лорду-хранителю печати.

Коити Кидо начал свое выступление, как всегда, осторожно, издали:

– Мы стоим перед дилеммой: «Что делать, когда уже Москва диктует нам свою волю?» Думаю, нам надо вести активную дипломатическую работу, особенно в Европе и разобщить умелой пропагандой Соединенные Штаты Америки, Великобританию и Советский Союз. Нам необходимо направить усилия на всемерное укрепление оборонительных бастионов Севера. Хочу всем напомнить, что ученые-медики уже создали оружие для нашей будущей победы. «Отряды 731» и «Отряд 100» Квантунской армии несколько лет совершенствуют методы применения бактериологического и химического оружия и наращивают его запасы.

Опытный полководец, адмирал, Судзуки Кантаро знал, в каком сложном положении находится страна, и хотел услышать мнение всех участников совета:

– Как обстоят дела на море, адмирал Ионаи? – спросил он военно-морского министра.

– В прошлом году мы понесли большие потери в корабельном составе, восполнить их в этом году нам не удастся. Блокада островов Японии с моря и американские ковровые бомбардировки городов парализовали работу судоверфей. Нами сделан упор на производство специальных боевых средств – микролодок и катеров. Для этого мы ускоренно готовим личный состав спецподразделений-камикадзе. При защите побережья, Сахалина и Курил командование флотом намерено использовать отряды «камикадзе» – эта тактика оправдала себя в борьбе против американцев и англичан, – ответил тот.

Тяжело опершись на стол, Судзуки поднялся со своего места и, завершая заседание, сказал:

– Многие члены Высшего совета знают, что я был противником вступления Японии в войну против США и выступал за немедленное вступление в войну с северным соседом. К тому нас обязывал «Тройственный пакт» с Германией и Италией. Но восторжествовала осторожная тактическая линия. Теперь, при нападении Советского Союза на государство Маньчжоу-Го мы должны оказать упорное сопротивление его армиям на приграничных рубежах. В случае большого превосходства войск противника мы можем отступить на линию Янцзы – Чанчунь – Мукден – Цзиньчжоу. На этом рубеже наша армия займет жесткую оборону и остановит противника, чтобы сохранить за собой Юго-Восточную Маньчжурию и Корею как

несокрушимый плацдарм на материке для продолжения затяжной войны и будущего контрнаступления. После того как будут подтянуты крупные оперативные резервы с материка и метрополии мы разгромим советские войска и продолжим преследовать противника на направлениях – Чита, Хабаровск, Ворошилов, Владивосток. Овладев территорией Восточной Сибири и Приморского края, мы создадим плацдарм для создания сферы Великой Восточной Азии на огромных азиатских просторах.

Высший совет по руководству войной принял документ, в котором подтвердил моральную готовность к неизбежному применению бактериологического оружия, которое продемонстрирует всему миру возрастающую мощь японской армии и утвердил новый план войны с северным соседом. Япония временно отказывалась от вторжения на территорию СССР.

Глава 7

Даурия

До станции Карымской отряд Мамаева добирался по грунтовой дороге больше двух часов, а потом и вовсе попал в плотный поток техники, двигавшейся на юг. Весь оставшийся день они ехали среди мутно-желтых облаков пыли, поднятой колоннами самоходок, танков, обтянутых брезентом грузовиков, везущих боеприпасы и продовольствие. Среди скопления машин попадали груженные доверху повозки, которые тянули уставшие лошади. После полудня дорога начала подниматься в гору, перевалила через Борщовочный хребет, редкие островки леса исчезли, и перед глазами раскинулась широкая, бесконечная равнина, перехваченная цепью тянувшихся до самого горизонта сопок.

Танки и самоходки с зачехленными орудийными стволами, обдавая соседей горячим, разящим соляжкой дымом, начали сворачивать с дороги в степь. Они уходили по бездорожью на юг, исчезая в дрожащем мареве раскаленного июльским солнцем воздуха. Просветы между техникой тут же затягивались, и живая лента продолжала ползти бесконечной змеей дальше, наполняя все вокруг грохотом гусениц и гулом моторов.

Мамаев приказал водителям ехать без остановки, опасаясь, что не удастся после передышки вклиниться в сплошной поток машин. Красное от пыли солнце косо прочертило лучами темнеющее небо и опустилось за грядой сопок. Сумерки сгустились, ночь озарилась огнями фар. На обочинах дороги то тут, то там стали загораться костры биваков. Мамаев велел Алексею подыскивать пристанище на ночь.

– Тут недалеко есть проселок в сторону Онона. Остановимся на берегу, искупаемся, ужин сварим, – предложил сержант.

– Не заплутаешь в степи?

– Я по этим дорогам шесть лет ездю. Не заблудимся, – сверкнув белыми зубами на сером от пыли лице, усмехнулся Лешка. Помолчав, добавил: – Товарищ капитан, извините меня за неудачную шутку с Баиром. Обстановку хотел разрядить. Устали мы все от муштры и войны. Хочется мира. Но, видно, нескоро мы его увидим. Вон сколько техники на границу гонят.

«Ох уж это всемогущее водительское племя, знает же, что многое ему дозволено, вот и фамильярничают с офицером госбезопасности», – добродушно подумал Мамаев.

– Да ладно, забудь. А начальник разведотдела не зря уговорил комбата Дорошенко, чтобы он откомандировал тебя в наш отряд из автозвода штаба. Ты, как кошка, в темноте видишь, вон впереди уже река блестит.

Проселочная дорога привела их к невысокому, заросшему ивняком берегу. От воды несло долгожданной прохладой и слабым запахом тины. Баир выбрался из кабины, стал помогать уставшим от грохота и духоты женщинам. Егор поспешил ему на помощь. Рыжая военфельдшер едва выбралась из кунга, как обрадованно воскликнула:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.